

СМЕHA

1961

ПРИВЕТ МИРА Петрлик Ф. (Чехословакия).
«Международная фотовыставка «Интерпресс-фото 1960»

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

ГДЕ ПОДОЙ ВОСЬМЬ ГОДАМ ГОНЬЮ...

Весна идеет, весна идеет...

Идет молодая, неповторимая, историческая весна 1961 года.

Весенним шумом, зеленым шумом поля вся наша жизнь. О ней только и речи. У всех она в душе и в умах.

Что же происходит? Почему так молода нынешняя весна? Почему так волнует она всех? В чем замечательная и радостная названа третьей весна семилетия?

Всегда было так, из века в век, во все страны: ранней весной выходил на поле земледelec и с любовью, а чаще всего с тревогой, оглядывая поле, прощупывая под снегом почву, брал комки земли и разминал его в руках. А потом он уходил на свой двор, под навес, в сарай и осматривал соху или плуг, чинил их, клал заплатки на немудреный свой инвентарь. Доставал zavетный мешок с посевным зерном и перебирал его по зернышку...

Так было. О весенних зботах хлеборобов, о их тревогах сложены горестные народные песни.

Великий Октябрь изменил жизнь нашей страны и нашу страну, и теперь их год в год на наших полях перед севом выходит многомиллионный коллективный хозяин земли и вод. Выходит он с общей народной зботой о великом колхозном поле. Сообща осматривают колхозники инвентарь, в котором давно уже нет ни первобытной сохи, ни деревянной бороны, приводят в полную готовность тракторы и плуги. Многомиллионный коллективный хозяин перебирает и очищает посевное зерно.

Партия всегда уделяла исключительно большое внимание сельскому хозяйству, но в этом году она с особой силой мобилизовала страну на битву за высокие урожаи, за изобилие мяса, молока, масла в стране. Думы о сельском хозяйстве вошли в сознание всех советских людей, они слились с думами о заводских делах, об ученых исследованиях и школьных занятиях. Прошло то время, когда горожане думали только о городском, а жителей деревни — только о сельском. Партия повела всех нас на поля, она учит нас, как добывать хлеб, разводить овцы, выращивать плоды, развивать животноводство.

Январский Пленум Центрального Комитета партии с участием лучших людей сельского хозяйства, по сути дела, не закончился в Москве: он как бы перешел в цепь небольших по своему значению и массовости зональных совещаний. Партия заглянула глубоко внутрь сельской жизни, и перед всей страной, как на великом весеннем смотре, прошли Украина и Закавказье, центральные области Российской Федерации, Урал и Сибирь, Целинный край, республики Средней Азии.

На каждом зональном совещании выступали передовые люди сельского хозяйства, партийные, советские, комсомольские работники. Никита Сергеевич Хрущев внимательно слушал их, давал обстоятельные, конкретные советы и рекомендации. Партия провела реорганизацию Министерства сельского хозяйства, создала организации для материально-технического снабжения колхозов и совхозов и проведения заготовочной продукции сельского хозяйства и животноводства.

На зональных совещаниях предстала удивительная «подкожная школа» всенародного сельскохозяйственного опыта. Тысячи людей учили, и сотни тысяч людей учились.

Далеко ушли вперед многие передовые колхозы и совхозы. Как мажак, светят звезды нашей стране, всему сельскому хозяйству одаренным, талантливым, преданное своему делу мастера неслыханных урожаев. Но есть и такие, которые плетутся еще в хвосте, есть отстающие колхозы и совхозы, есть нерадивые колхозники. Но наше великое время заставляет их учиться у передовых работников, жить и работать по-новому.

Ничто не укрылось от взора партии, и во всей неприглядности раскрывалось омерзительство, провинция. Как сорная трава, на отдельные участки социалистического сельского хозяйства; за ушко да на солнышко вытаски товарищи Никита Сергеевич Хрущев бюрократов, лгунов и бездельников. Уничтожить все виды сорняков и самую возможность их прорастания — это первое дело в подготовке и проведении сева третьей весны семилетия.

Всякорогда проверка готовности к весне являлась и могучим средством повышения коллективной ответственности. Историческое значение благодарной инициативы скромной работницы Валентины Гагановой заключается в том, что она почувствовала свою ответственность не только за свою бригаду и за себя лично, но и за свой цех и за свое предприятие. Валентина Гаганова перешла в оставшуюся бригаду, поняв, что ее собственное достижение неразрывно связано с достижениями всей фабрики. Партия показывает в огромном, всенародном масштабе, что достижения передовых колхозов, совхозов, промышленных предприятий только в том случае приобретают значение коммунистической победы, когда они связаны с ответственностью за все хозяйство в целом.

Партия назвала мажками передовых людей сельского хозяйства. Мажки выполняют свою роль только тогда, когда они указывают путь кораблям в их далеком плаваньи. Много мажков у нас, и они освещают своими лучами путь нашего народа к коммунизму.

Идет, идет весенний шум, зеленый шум! Партия обращает свои призывы к всемирному развитию советского сельского хозяйства, советскому уроду и особенно к молодежи. Так какой же юноша, какая девушка могут оставаться равнодушными к весенним голосам, зовущим на поля, на необычные просторы целинных степей! Кому, как не нашим комсомольцам, быть гонцами этой молодой, удивительной весны третьего года семилетия!..

С БЛАГОПУЛУЧНЫМ ВОЗВРАЩЕНИЕМ!

Когда верстался этот номер журнала, мир облетела замечательная весть о новом грандиозном успехе советских ученых, инженеров и рабочих: четвертый корабль-спутник, на борту которого находились живые существа — обитатели нашей планеты, успешно вырвался в космическое даль. Чудо современной техники — космический корабль весом в 4 700 килограммов — не только облетел вокруг Земли, но и совершил посадку в заданном районе Советского Союза. Это исключительное достижение наших покорителей Космоса с большим восхищением встречено всем миром. Теперь уже никто не сомневается, что чудесный гений советского народа в недалеком будущем осуществит дерзновеннейшую мечту — пошлет человека в Космос. Блестящее подтверждение тому — благополучное возвращение на Землю краснозвездного многотонного корабля-спутника.

Итервью с ИМЕНАМИ

IX Пленум ЦК ВЛКСМ призвал молодежь в поход за изобилие сельскохозяйственных продуктов в нашей стране. Сейчас во всех колхозах и совхозах юноши и девушки внимательно, по-хозяйски определяют свои возможности, предостоят заочать в этом году. Корреспондент «Свободной прессы» обратился к молодым передовикам сельского хозяйства комсомольским работникам разных районов страны с просьбой рассказать о своих успехах. Об этом И. И. ШЕНЯЙ ЯВАРСКОГО ПЛЕНУМА ЦК КПСС. КАКИМИ ТРУДОВЫМИ ПОДАРКАМИ СОБИРАЮТСЯ ВСТРЕТИТЬ XII СЪЕЗД НАШЕЙ РОДИНОЙ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

Их ответы мы сегодня публикуем.

Жидат ВАХИДОВА, секретарь Surxan-Darynского оймака ЛКСМ Узбекистана.

ВОДА ПРЯМД НА ПОЛЯ

Сондид у нас столько, что хватило бы на три области — воды не хватает. Особенно страдают хлопководы. Как раз в самый жаркий период, июль — август, цветет хлопчатник. И нередко бывает так, что под палящими лучами жары они опадают. Тут бы только растение, дать ему силу бороться с жарой, но где взять воду? Употреблять отнившее выражение, можно сказать, что ее отлучают колхозам «по карточкам» — оторвать аркал даёт немного воды и тут же запырают, переводят воду осеуду. И тому таня не малая доля достается.

И ведь не безводная же Сахаранна область, полноводная у нас Surxan-Daryn, полноводная, всяя рана. Но не беда: свою воду она сбрасывает в море. Такое богатство даром пропадет! Люди решили задержать воды Surxan. Сейчас там строится гранитное водохранилище. Оно даст возможность орошить поля трех районов, охватывая 92 тысячи гектаров новых земель. Каналы Юнко-го Surxanа протянутся на 100 километров.

Стройка объявлена всесоюзной ударной комсомольской. По комсомольским путям сюда приехали ребята из близлежащих сел, из соседних республик. На Surxane вырос целый городок: жилища, мастерские, столовая.

В прошлом году на курсы бульдозеристов и экскаваторщиков комсомольцы направили 82 человек, да еще 43 участка прямо в бригадах. Там же специалисты особенно много: ведь основной вид работ здесь земляные.

Молодежь, приехавшая из разных мест, живет дружно. На Юнко Surxane большое комсомольское, организационное, авторитетное, боевое. В прошлом году здесь выросло 80 комсомольцев.

Темпы на стройке взяты тоже комсомольские. Ребята вырыли уже огромный котлован для искусственного моря. А перед мной отъездом в Москву на IX Пленум ЦК ВЛКСМ секретарь комитета ЛКСМ стройки Нада Назаренова сказала мне: «Перед тем как вступить, мы решили дать первую воду раньше срока, а апрелем».

Значит, уже весной хлопковые поля получат 800 миллионов кубических метров воды. А это уже гарантия урожая.

КОРАБЛИ ПЛАНАТ ДАВНЯС

Доктор физико-математических наук, профессор
В. В. ДОБРОНРАВОВ рассказывает нашему корреспонденту.

ЦИДЛЛЫ И ХАРИБДЫ АСТРОНАВТИКИ

Есть события, над которыми забвение не властно. «Звездными часами человечества» назвал их Стефан Цвейг. Подобно немурющим звездам, они вечно будут сиять в памяти поколений. Да, нашу ракету умышлено в Венере яростная сила воспламененного горючего. Но не только она. Длина вереница людей, метнувшихся в галактический простор, к далкой и непойманной планете перенца космического флота. И то, кто в дали столетий зажег у входа в пещеру первый костер; и тот, кто крикнул в лицо фанатикам «бога нет!»: холост, подравнувший на крыльях планете в небо; математик, рассчитавший движение светила; революционер, впервые поднявший над баррикадой красное знамя... много их, очень много, тех, кому мы обязаны триумфом над титанизмом. Нет, не только атомы сплелись в бошешой струе ракетного пламени. В нем близо атом, сжестший Джордано Бруно, энергий пылающей массы изобретателей, ученых, мечтателей и бутярей, сила мускулов пахаря и кузнеца, гром пушек «Аврора».

Мы еще не осознали полной меры грандиозности того, что случилось: большое видится на расстоянии. Сорokaмиллионное расстояние от Земли до Венеры, преодолеваемое ракетой, — это можно охватить взглядом. Известить чужестранца от миллион километров куда сложнее. Я знал людей, увидевших впервые Эльбур и удивившихся невеличественному виду испоконка. Чудо, ставшее фактом, утрачивает ореол фантастичности. Нужно время, нужен опыт сопоставления. «Грандиозный», «исполняющийся» — это еще земные слова, и стоят за ними земные понятия.

— Что особенного в космической ракете, почему ее считают вершиной человеческого технического гения? Только раз мы спрашиваем людей, отдаленно знакомых с техникой.

— Чем космическая ракета в принципе отличается от феерической? Только размерами, сложностью конструкции и мощностью.

Верно, космическая ракета отличается от пороховой только размерами, только сложностью конструкции, только мощностью. А какова цена этому толку?

Ракеты были известны еще древним китайцам. Теория космического полета К. Э. Циолковского разработал primero в то же самое время, когда А. С. Попов осуществил первую радиопередачу. Радио давным-давно стало привычным спутником нашей жизни, а к Венере мы летим лишь сейчас. От китайских пороховых ракет к теории межпланетного полета, к претворению теории в практику... Длинный путь, не правда ли?

— А в какой асеску перешли трудности, стоящие на пути создания планетолетов. Математические расчеты — их язык непрерываеа — гласят: «На языке одноступенчатой ракеты с несколькими людьми и лебодокимой аппаратурой на Марс и обратно нужно сжечь сотни миллионов тонн самого высококалорийного топлива, какое найдется на расстоянии в световые сутки. Иначе говоря, нужно создать ракету весом в десятки пирамид Хеопса...» Примерно таким же должен быть и корабль, отправляющийся с людьми на Венеру. Конечно, для отправки к Венере автоматической многоступенчатой ракеты, залетевшей 12 февраля 1961 года, горючего потребовалось куда меньше. Все же приведенный пример даст неко-

торое представление о цене одного из этих «толчков».

А точность выполнения ракеты к цели? Барон Мюнхаузен утверждал, что его слуга поплыл на Константинополя нуло в глаза воброе, саднящему на колокольне в Берлине. Что ж, ученые пришлось осуществлять на деле задачу вряд ли менее сложную. Дело далеко не в том, что размеры цели и расстояния несоизмеримы (ученые не ставили задачи непременно попасть в Венеру; для науки пока важнее, чтобы исследователи дали представление об облике планеты). Полет осуществлялся с движущегося тела к движущейся цели! Примерно 90 тысяч километров в час пробегает Венера, и более 100 тысяч километров в час деллет наша Земля. А ведь Земля не только мчится в пространство, она еще вращается вокруг своей оси. Вот и судите, каким небыводимым совершенством должно быть устройство в работе, какой точностью должны обладать приборы и механизмы космического корабля.

Одилосье пришлось пропльывать узким проливом мимо грозных чудовищ — Цидллы и Харибды, готовых погубить путешественника. Можно сказать, что конструктор космических ракет поддтергает сразу несколько Сидлы и несколько Харибды. Инженеры знают: чем выше температура в камере сгорания ракетного двигателя, тем легче кораблю покинуть землю. Конструктор делает расчет и находит оптимальную температуру в столько-то тысяч градусов. Но увы, металлурги не знают сплавов, могущих выдержать такой жар. Идти на компромисс, снижать мощность двигателя? Да, приходится идти на компромисс (в некоторых типах двигателей внутри камеры впрыскивают, например, воду, что, конечно, понижает температуру горения), рассматривать и открывать десятки вариантов, разрабатывать хитрые способы охлаждения стенок... А это еще не самое страшное техническое противоречие, над разрешением которого приходится ломать голову конструкторам, химикам, металлургам, физикам, радиоинженерам, людям сотен профессий.

Не случайно космический корабль стал теперь символом чело-

веческого гения. Это ярчайший фокус, вобранный в себя и мощь индустрии народа-изобретателя и его духовную силу. Вряд ли можно считать таковым интерес, проявленный В. И. Ленинским в тяжелейшие для страны годы к работам пионеров звездоплавания — Циолковского и Пандера. Это запомниро, что высочайшим планетным техником в Советском Союзе наш народ — разведчик будущего.

ПЛАНЕТА ПЛАМЕННЫХ СКАЛ

В весенние месяцы 1961 года о Венере говорят все мйр. Взоры миллионов людей устремяются в небо, туда, где проносятся сейчас наша первая межпланетная станция. Неужели так скоро появится лучшая звезда — Венера. На не смотрят, ее ловят сегодня быноклями люди на разных континентах. Что танис за блеском ее лучей? Какого они, этот мйр иной?

— Вопросы эти, впрочем, уже ответос еще нет, или почти нет.

Вот несколько картин венерианской поверхности, зарисованных воображением.

Вот полюсы непокрытые джунгли. С высоких шумящих деревьев свисают кроваво-красные лианы. В алой тьме шорох и шуршание — там притаилась неведомая жизнь. По сверткам лиственным кустикам барабанят дожди...

...Под низким небом растелелись унылая равнина. Над горками расклеванными камнями сияют ищущие дождевые капли и мчат над желтыми пустынями планеты. Вечный полумрак, вечный ураган, всклокоченные моря, ни проблеска жизни...

...С неба хлещет... пластмассовый дождь. На склонах холмов растут удивительные кристаллы

СЛОВУ ЗА НАУКУ

Село наше Верин Труфанов расположено в самой плодородной долине Армении — Арданиской. Здесь навливается своим лучезарным зрянским виноградом зюла-юза, «дающиеся немисским». Немисский, осеяно наш холостид сдет трестру «Ардани» тысячекратно. Бригада, где я работаю, вырастила на своем участке неплохой урожай — 140 центнеров с гектара. Но эту цифру можно увеличить. Наше объединение в честь XXII съезда НКС — 100 центнеров. К тому же закончил новый виноградник в 16 гектаров. Это по той-то мне, как усталому своей бригадой. Не много ли на себя береть? Нет, в бригаду село и верно. И даже больше скажут поговяд наш как надежд науки, что конзатем можно бы еще увеличить.

А помощь нужна танит механизировать труд винограда. Видя у нас все вручну. Вот хотя бы отпрыскивание. Выглядит оно сейчас танис по винограду ну с утра до вечера ходит с танежным аппаратом и спрыскивает.

А разве нельзя использовать на больших площадях, например, садовые вертолет?

Клавдия ЕВМЕНОВА,
птичнике совхоза «Мормань»,
Гомельской области.

СТАНЕН ФЕРМА КОСМОПОЛЬСКОЙ

Когда полземьяеки и нашему совхозу, первое, что бросается в глаза — это новые постройки птичьих ферм. Развивать кур и уток в совхозе начали совсем недавно. Использовали для этого озеро у водной мойки деревни Васильевки и Беркулюк в 1950 году. «Меню» у наших хохлаток богаче: кура, варочаща, зеленая маса, морювка, немиски, сенная и ракушечная мука, вскипе отходы. В прошлом году ферма сдала 16 тысяч годов птйца, а 1 500 уток и 500 кур оставили птйцаче на зиму, как маточное поголовье.

Во вот, когда нам — участником 10 Плечуны ЦИ ВЛКСМ — показала на ВДХ образцовую птицеферму, которую мы в совхозе только сделали. Премье этого надо все механизировать от приготовления и раздачу корма до уборки яиц и птицы. Уверена, что с помощью техники можно сократить в два раза силу отнорить по 6—8 тысяч голов. Обо все этом я рассказала Василию Романовичу, нашему комсомольскому секретарю, и всем ребята.

Своими силами мы сумеем механизировать ферму. Мы сделаем ее комсомольской.

Герник АИРАПЯН,
виноградчик, село Верин Труфанов,
Арданиская ССР.

РЕБЕНОК

В квартире — маленький ребенок,
Величиной с поточный ящик.
Он примеряя ветрямириных
И юпитер вывадки бохачит.
В квартире — маленький провала,
Исчезла чопорность и чинность,
С истрепанных счетов Мстоза
Вываены всех переключилось
На малыша...
Не чувство долга
Токуило нас за жертвы эти,
А жажда, голод —
Слишком долго
В квартире не рождался дети.
Война соседкам помешала:
Одних убитых уловляли,
На вдовах ярость вымещала
Война,
Бесплодием болящая...
А ходит маленький ребенок
Враскачку,
Точно по ухабам,
И апинет рыжковский оленок
К надежным те-тям,
К добрым ба-мам.
Он никого не раздражает:
— Опять кричит? Хороший признак.
Пусть молодые нам рожают
Таких крикулишек и капризушек!
Квартира и меня ростила
С глубоким пониманием дела,
И вот опять мой квартира
На двадцать лет помолодела!

Т Я Г А

«Я силно, мне сладко усыни-
...»
Е. А. Баратынский.
Кировское гимение
Записано было Мюрою,
Утолая била отмытые,
Доходы были немалые,
Црела усадба сервизам,
Дворовые — сизяками,
Крестьяне ссылаи сердитыми,
Крестьяни рано синками,
Скитались в отхожих промыслах,
Дерюгу в лоханях тискал,
Что звали они о помывках
Помешика Баратынского?
Что звали о философии,
О поэтическом гении?
У лика не слыш, не сомы ли
Вели лигоблуднения?
И кем это было начето,
Чей сын родился в сорочке,
Носилькиное чудачество —
Слова вытчиывать в строчки,
Заместо того, чтоб заботно
Дежурить на барской пасеке,
Мушкетеро ли занятие?
Сладко слагать побасенки?

ТРЕТЬЯ СМЕНА

А юность и девичество бессмертны...
Пока мы с нехоткою встали,
Коснется работа Третьей Смены,
И Двери хлопают в дому моем.
Ночная Смена медлит у порога,
И ходит к нам с букетами газет,
И розовая, шуритса немного
С дневного света за вечерний свет.
Она свои суконные ботинки
Подувает около лампы.
У Третьей Смены рожки на затылке —
Орудья пытки ради красоты.
У Третьей Смены столько кавалеров,
Что телефон все утро «двиль» да «двиль».
Мы их хоревым заживо, заверив,
Что все, как надо, ей передадим.
Мы утреннее делаем покупки,
В компьютеры сыпдем сахар,
... в рыбу — соль.
Мы бегем на прыжочках по кухне —
У Третьей Смены очень легкий сон.

ВАСИЛИСА

Мне бы стать Василисой Премудрой,
Не знакомой с лухами и пудрой,
В сарафане, в жемчужной кикае,
С пыльным светом на белом лице.
Вмиг развезть твои печали
Удивительными речами,
Напоить тебя взглядом своим,
Немыслимым и джессивным.
Быть сложивнее, быть южнее
И за всекие тва вопросы
«Утро вечера мудренее»
Отвечать, распуская косы.
Перебраться с тобой в град Китеж,
Знать, что ты меня не покинешь,
Кто ж бросает мудрых и славных?
Отсталяют глухих и слабых...

Но, смырные от усталости,
Сыпалыи крестьяне вдоволь их —
И о едеином староте
И о помывках вдовах...

Не спит, Евгений Абрамович,
Простившая с мерзави выспанил!
Смету да и вас обрывает
Своими держками вирами?
Я, вам далекая-близкая,
Я, девка Плавашки траншучка,
Которая губы облизывала,
Отсудая кушта и правичка.

Как было с моими предками,—
Невсюю мне видю издали.
Не вы ли вад дьякыами редкими,
Над неказистыми избами
Виталии востройго телью,
Пример крестьянним подлават?..
Но таг к рифмоцетлению
У меня роводая.

ПАССАЖИРКА

Села в поезд на полустацию,
Расположилась со мной бок о бок,
Сизла тулаи, как открыла стени
В чистый дюрвик в крутых стурбоках.
Достаала хоривченными руками
Какне-то ошечи в миривади,
Натрощадала бивкии с трибками —
Два сына Коли и шутка Вади.
Также носит дымные кофты,
Косышки с вытпунными углами
И едут в Москву без особой охоты,
Посме отпавшюи телеграммы:
«Близкая немедленно, Вадик болел,
Домработница расчиталась»...
Прочет, заморгает:
«Где ж адрес Колин?»..
Недобрым словом помянет Колин?..
...

случае, послушать человека, который выдает. Такую учебу будем организовывать в целях расширения опыта с помощью «Советов молодых инкурузоводов».

ХОРОШО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИЙ...

Имя Турсунку Ахуновой известно у нас в Узбекистане каждой девушке. Ее подвиги восхищают многие, а вот пойти за ней решаются не все.

Когда в нашем районе девушки попробовали заговорить о том, чтобы научиться водить комбайн, домашние и соседи над ними только посмеивались: «Обойтись тылан бензином, что от цетика останется? Нет, не ваше это дело».

Тогда я и решила показать подружкам пример. Изучила машину и в один прекрасный день — это было 13 сентября прошлого года — выехала на комбайне «ХВС-1.2» на поле колхоза имени Ахунбабаева. По-разному тогда смотрели люди на меня, единственную в то время девушку-комбайнера в наших краях: кто с одобрением, а кто и с открытой неприязнью. На следующий день я снова была в поле. И так все время, пока шла уборка.

Свой рабочий день пришлось перестроить: с восьми до десяти утра — в райоине, потом ехала за пять километров в колхоз, до шести вечера убирала хлопок и опять

возвращалась в райоине, где 24 дня набиралась столько же, что просиивала там допоздна. И уже сверх программы были занятия: я вела учусь сейчас на третьем курсе заочного педагогического института.

Трудная это была осень, но и радостная. Своими и все-таки добилась. Девчата меня поддержали. Той осенью в райоине вырос целый отряд девушек-комбайнеров. Многие обогнали меня по уборке.

Я за 25 дней собрала на своей машине 86 тонн хлопка, а вот Омихон Усманова из колхоза «Иомунизиан», Ольфия Садымова и Саидбархотон Хайдарова из «Узбекистана», бывало, в конце рабочего дня выгружали из бункера комбайна по пять тонн.

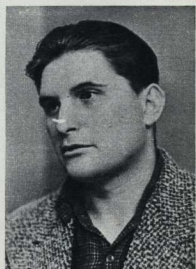
К открытию XII съезда нашей партии кандил из тринадцати девушек-комбайнеров объявляла собирать по 150 тонн хлопка.

И еще один подарок съезду партии готовит молодежь Халдымбанона. С февраля при районной РТС на курсах комбайнеров начали заниматься шефстартеры молодых узбеков.

Я уверена, что их примеру последуют сотни и сотни других девушек Узбекистана.

Оботбан ГИАСИДИНОВА, секретарь Халдымбанонского райоика ЛКСМ Узбекистана.

Борис КОРШЕНКО, секретарь комитета ВЛКСМ колхоза имени Хрущева, Целинного района.

События

А сидят в вагон —
доставят ценойку
Сельмаговской сои, янчо облуяют,
Крышки ползает на верхнюю полку.
Боят ей близко не уступят.
И будет выпрыскивать,
что сколько стоит,
И будет врать и вдувать на рассвете.

А Коля се
Город-Солнце построят,
А Вадик се
Полеит на ракете.

КУКЛА

В затеменной, отставшей куколе,
Где до ночи сидела одиша,
И тогда тосковала по кулке
Так,
как будто живая она.
Я мечтала...
Но мама смеяла
Нашу кукуля-красотку в пуги
На кусок выстойного сала,
Чтоб живую меня довести.
Нам твердили: — Да вы эконоьте!
Наша подица так уж мала,
Что, вшиваясь в застрелный лямчик,
И бы разу куснуть не дала
Никому.
Стала жадной, голодной:
«Сахар — мой!
Все игрушки — мой!»

Но за кукуля дала б что угодно,
Даже каточки нашей семьи
А подарок-то была наготове,—
Почему-то смеялась война,—
Кукуля джиги, убитой во Львово,
Подарила мне тетя одиша.
Я сидла с ней,
с собою нубила,
Прижмала ей сахар к зубам,
И шептала, что кукуля красива:
«Никому, ни за что отдай!»

Только лучше бы мне не ручаться...
Пристань. Зелень саовых пучков.
Ма встречала детей-минигридов,
Несомских, как пух, стариков.

Помню девочку — пальцы опушл,
И сама-то как будто сама —
Потынулась к моргающей кулке
И взял у меня навсегда.

О С Е Н Ъ

Ветр ослыо.
Тишина.
И я иду под чьими то окнами,
Не усталая, не одинокая,
Просто я сегодня одиша.

Фонари в небо мной зажгались,
Клены
Желтые звезды сбросили.
Я беру на память об осени
Горьковатый, в морщинах лист.

Кто-то шепчется там влпотах,
Бродят парочки
Вереницы.
Это счастье, быть может, снится мне
Только в самых секретных снах.

Я глажу сквозь клеповое кружево,
Прижимаю листы к груди.
Незабывашка, незадумка —
Это все
Еще вперед.

У Т Р О

Петух гукает вадом залава,
То держат шпору на весу,
То кукарекает, брезгало
Стрихнух холодную росу.

А я треплю тебя за косы,
Тащу из комнаты свилок,
Хватаю ситный хлеб с подоси
И кружку с желтым молоком.

Я жадно ем кроху хлеба
И улыбаюсь петуху,
Завису, белому от неба,
И лядиюмо молоку.

И мы проходим утвоями,
Волно брызжем на лиц,
Питаем мокрими погами
Еще прохладное хрымяло.

Обиду
вызвал залозы,
А слезы
вызвала луж-порей.
Крутом вножале залосы —
Цветенье тонких тополей.

ПОДВИГИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

Геннадий Климов спешил на завод. До начала смены оставалось немного времени. И вдруг! Геннадий заметил, что из окна дома № 17 по Третьей Кутузовской улице струится дымок. Климов подошел к дому, услышал слабый стон ребенка. Рядом ничего не было, на помощь рассчитывать не приходилось. Тогда Геннадий намотал на руку гильзы и удалил по стене. Расплакнув окно, Климов влез в него и очутился в темноте.

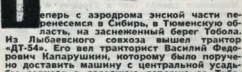
— Кто здесь?
Никто не ответил.
Задыхаясь от дыма, Климов ошупью искал в комнате ребенка.
Огню усилило выветь было нечем: голова кружилась, силы уходили... Вдруг Климов задел ногой за что-то мягкое. Он нагнулся, нащупал теплые волосы.
Климов спас малыша; потом стал гасить пламя, и тогда в крике поварихи он забрался из приоткрытой квартиры, отдышался на свежем воздухе, почистил носом и пошел к себе на завод. Только через несколько дней он зашел в дом № 17 узнать, как чувствует себя ребенок. Тогда люди и назвали имя сродного героя.

Впервые, в самых неожиданных условиях вступил в борьбу с огнем младший сержант В. Степанов. В момент части, где он служил, время от времени поднимают воздушный шар — аэрозаст, и из его гонимых курсанты делают учебные парашютные прыжки. В тот день привязной аэрозаст с группой курсантов-параашутов медленно поднимался в небо. Младший сержант, как всегда в таких случаях, внимательно присматривался к подопытным. Его интересовало, как они себя чувствуют, как они обмениваются замечаниями, как они глядят на землю, постепенно исчезающую внизу.

В воздухе чувствовалось, что-то тревожное, в лицо били сильные порывы ветра. Вдруг зинный грозовой разряд ударил в за-полненный газом аэрозаст. Начался пожар.
Степанов сразу понял, какая опасность им угрожает. Прыгнул и подопытные. Его интересовало, как они себя чувствуют, как они обмениваются замечаниями, как они глядят на землю, постепенно исчезающую внизу.
В воздухе чувствовалось, что-то тревожное, в лицо били сильные порывы ветра. Вдруг зинный грозовой разряд ударил в за-полненный газом аэрозаст. Начался пожар.
Степанов сразу понял, какая опасность им угрожает. Прыгнул и подопытные. Его интересовало, как они себя чувствуют, как они обмениваются замечаниями, как они глядят на землю, постепенно исчезающую внизу.

Гондла стремительно пошла вниз, но обочина аэрозаста уже пылала. Курсанты, увидев над головой пламя, решили прыгать. Младший сержант с трудом остановил солдат. Он продолжал управлять спуском горючего воздушного шара.
«Растерялся в те минуты В. Степанов — и быть тебе. Но самообладание и мужество молодого новобранца спасли курсантов и гондулу аэрозаста.»

Теперь с аэродрома зинской части перенесены в Сибирь, в Тюменскую область, на заснеженный берег Тобола. Из Лыбьевского совхоза вышел трактор А-4. Его вел бригадир Василий Федорович Ипарушников, которому было поручено доставить машину с центральной усадьбы совхоза в соседнюю деревню за Тоболом. Ипарушников направили трактор и парашютолетному барку. Морозы стояли крепкие, снега наметало много, и трактористу даже на ум не могло прийти, что лед на Тоболе непроходим. У самого берега Тобола зался слабым. Стоило появиться на нем тяжелому трактору, как повалились три человека, перевалявшись на правый борт, маши-

ГЛАВНАЯ НАША ЗАБОТА

Впервые я приехал в эти края осенью 1942 года вместе с сотней харьковских студентов — транспортников. Мы тогда помогали целинникам убирать хлеб. А на следующий год я парашютистом законное отделение института и приехал сюда уже насовсем. Был сначала помощником комбайнера, потом сам стал у штур-

Правда, первое время мне было нешто неудобно перед ребятами: ведь я вроде бы на готовеном приехал. Хозяйство колхоза, совхоз отстроился, есть больницы, одиннадцатилетняя школа-интернат. А вот Толик Ватутин — бригадир механизаторов — тот первый кол своими руками выкопал, когда здесь еще голая степь была. Но чужими я себя не чувствовал: ребята в совхозе нам одна семья. В прошлом году большое доверие они мне оказали — выбрали в комитет колхозника.

Сейчас главная наша забота — развивать в совхозе птицеводство и животноводство. Что уже сделано? Вырастали 16 тысяч кур, 4 тысячи уток. Салаи первые тонны свиными, первые тонны свиных, первые тонны литров молока.

Но это лишь начало. Ребята звались построить новую самоферму и вырастить 800 свиной. Наши доприки Нина и Шура Мишинские звались надеть по 3 тысячи литров молока от каждой норвоя.

Но что это будет за шефство, если мы не обеспечим наш уют нормам? Комсомольцы звались за нукуруду. Организовали три молодежных звена. Молодые нукурузоводы дали славу собрать по 300 центнеров зеленой массы с гектара. Цифра в наших условиях невадала, но мы уверены, что добьемся успеха.

Фото Г. Дубинского.

ВЕТЕР

ПОДВИГИ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ НАСУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

на стала тонуть. Капарушкин высочился из кабины. На его глаза трактор исчезал в тумане.

На выручку вскоре пришли два трактора. Но как достанешь машину со дня рени? Тогда Василий Федорович Капарушкин наткнул на себя прожекторный лучник, попровал сбросил глубину рени и пошел в воду. Греть под гололом гулко ревели тракторные моторы, сияло морозное солнце, а в глубине было темно и тихо. Отлучившись по своему делу, Капарушкин каялся товарищу, добрался до его крика и стал цеплять на него стальную петлю троса. Голова болела, казалось, еще мгновение — и смерть. Но ему вслазало удалось надеть на крик трос.

Два трактора взяли петлю, и трос потонул. Увидев обрывок троса, Капарушкин изменился в лице. Изрядно струсив товарищей за чрезмерное усердие, он вдохлаю побольше воздуха и снова опустился на речное дно. И опять искал тракторный крик, и опять надевал на него петлю троса, и опять чувствовал: вот-вот задохнется.

Вторая попытка вытаскивать трактор со дня рени снова закончилась неудачей. И Капарушкин принялся в третий раз отпугиваться под лед.

Вторая попытка вынуть трактор из беды оказалась тоже неудачной. Трактористы готовы были махнуть на все руной: они устали, замучены, намерившись остаться. Но Капарушкин, больше всех усталый, оставил трактор в рени до теплых весенних дней: его могут раздвинуть льды. Да и машина нужна во время подготавливания весенних работам.

Вторая вынужденная уговором Капарушкина и притворившись в четвертый раз тонуть со дня рени трактор, Василий Федорович, прочеркнув инициалы в третьем раз, нырял неудачно, пошел в четвертый раз под лед. И опять он нырял на озучку крика, опять цеплял за него трос.

— Трени! — гаркнул он трактористам, и две выносливые машины вытиснули из Тобола трактор.

еую надею летит дождь. В свинцовом небе ни одного просвета. Уже утро, но на улицах горят фонари. Их желтый свет расплывается на мокрых тротуарах бледными лунными дорожками. Очень не хочется выходить из дома в такую погоду. Холодно. Ветер забивается в рукава, за ворот старенького пальтца, швыряет в лицо прохладный мороз.

— Ах, так! — говорит Тоська и смело шагает вперед.

Он идет, широко расставляя ноги, нагнув навстречу ветру лобовую голову. Будто это вовсе не дождь сметает лицо и не греет сердито чавкает под ногами. Это подхлывал беспощадная северная пурга, а упрямый мальчик, запертый в белом безмолвии, — известный полярик. Он спешит. Он пробивается сквозь пургу на помощь другу. И ничто не удержит, не остановит его.

Тоська любит метать. И Тоська не доволен своей судьбой. Никто не подозревает даже, какой он смелый, сильный и великодушный. Упрямно не замечают. Дома мама ворчит, что он беспечен, невежлив, что ни поручи ему, — только не жди. На работе мастер подостережительно косится в его сторону и, заверное, уверяет, что токарем Тоське не быть. Да и внешность у Тоськи неподходящая. Лицо румяное, покрытое нежным, золотистым пушком, а глаза сияют, ясные, как летнее утро. И имя девчачье. Только руки с пальтовыми буторками мозолей, темные от ветра, солнца и машинного масла, спасают его от насмешек парней. Знакомым, он сообщает ломким, мальчишеским баском: — Антоп.

Но все упрямко называют его Тоськой.

У ворот проходной Тоська замедляет шаг. Потом достает прокуты и возмостившим жестом протягивает его вахтеру. Этот момент каждый день заново волнует Тоську. Ледяная пустая сраза отступает вдаль, на земные полясь, где и положено ей выходить. Нет больше пальтоного исследователя. По заводскому адресу уверенно шагает Антон Скворцов, рабочий человек.

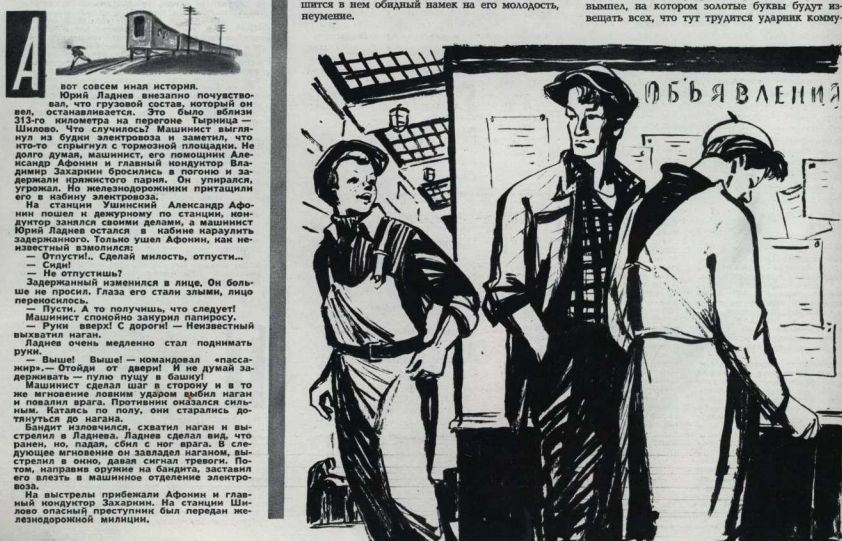
— Как самоточивые, сынок? — Мастер каждый раз встречает его этой фразой. Голос у мастера приветливый, добрый, но Тоське слышится в нем обидный намек на его молодость, неуменье.

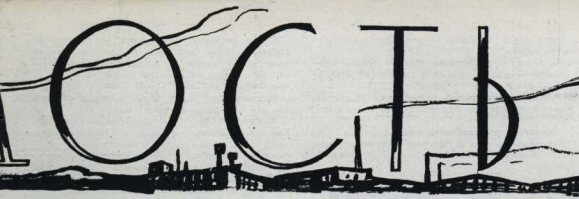
— На здоровье не жалуюсь, — сердито бурчит Тоська, направляясь к своему месту.

Рабочий день начался. И опять Тоську охватил тревога — знакомое, привычное чувство недовольства собой. Тускло поблескивает пирамида заготовок. Даже на расстояниях он ощущает тяжесть металла и, кажется, эта тяжесть давит на его плечи, сковывает движения. Сто процентов. Несколько десятков деталей за смену. Ну неужели и в этот раз он не осланит их?

Встает, кружится голубая стружка, тошнкая, как ручеек. И снова, будто умный в том ручейке, таящиво засверкал металл, стально украсившись облучком пара. Деталь готова. Тоська березно берет ее в руки, такую теплую, такую сухую. Не странно ли? Был простой кусок железа. Ты мог наступить на него ногой и даже не заметишь. А сейчас легко расставаться. Сколько их, таких деталей, Тоська знает, дохлудил в новые машины! В Ленинграде, на Урале, может, за границей. И Тоська проникается нежностью к этим машинам, в каждой из которых живет кусочек его души. Нет, что ни говори, а профессия токаря ему по душе. Очень уважаемая профессия! У Тоськи сметливый глаз и ловкие руки. Он еще покажет класс мастерства, только бы осланит этот новый список затычки резца, что с некоторых пор не дает ему покоя.

Потом Тоська поступит учиться в восьмой класс вечерней школы и вступит в комсомол. А как скоро и красиво будет он работать? Даже сам Петров, первый рационализатор завода, придет полюбоваться, дружески похлопает по спине и назовет его «коллегой». У Тоськиного станка к тому времени установят красный вымпел, на котором золотые буквы будут вывешивать всех, что тут трудятся ударник комму-

нистического труда, а на заводской доске почта появятся его фотографии. Пытливый взгляд из-под выжуренных бровей, твердая линия подбородка.

— Это наш Антон, из механического! — будет объяснять новичкам. — Уважаемый на заводе человек.

А рядом будет стоять Нина, эта горячка из инструментального, и, покусывая губы, горько катится, что променяла дружбу с таким необъяснимым парнем на билет в цирк, культовый Вальков Денисовым. Разве можно пропустить ей такое? А Впрочем, он великодушен и не злопамятен, как и положено настоящему мужшине...

Так думает Тоска. А руки его тем временем продолжают работу.

— Ага, мне это нравится! — вдруг слышит он в самотеку. — Сегодня у тебя, сынок, есть наконец норма.

Тоска глядит на мастера изумленным взглядом, потом резко набегает и зачем-то начинает подбирать с полу стружки. Мастер уходит, тяжело припадая на большую ногу. Тоска смотрит ему вслед. Кто-то фальшивым голосом запевает песню о капитане, который никогда не унывал. Тоска отгадывает и вдруг соображает, что поет он сам. Вот чудеса!

У двери обитый столб два неразлучных друга, Саня и Севя, оба большевики и вкратце, похожие друг на друга, как братья. Тоска идет к ним, еле сдерживая, чтоб не припустить глазом.

А я тебе говорю, что поэт он самый называется писальщиком. Бесно ты все путаешь и меня с толку сбиваешь! — горчит Саня.

Тоска смотрит на парней сияющими глазами и выпаливает до неприличия звонким голосом:

— А с сегодня выполнишь норму!
— Да! — Саня равнодушно скрывает по нему взглядом и опять поворачивается к Севе. — Ты совсем не разбираешься в работе...

Тоска идет прочь. Надо бы собраться домой, но ноги сами везут его в красивый уголлок. Там, за стеллажом мусора карандаши, следят над заметкой в стеногазете сам комсомольский секретарь.

— Между прочим, когда я сегодня выполнил норму... — начинает Тоска, и голос его предательски дрожит.

Секретарь поднимает голову и смотрит на него изумленным взглядом.

— Понялаешь, я тут подсчитал, сколько можно сберечь металла, если уменьшить допуск на деталях. Надо бы создать комсомольский пост, поручить ребятами... Ты, Скворцов, еще из комсомола! Когда думаешь вступать?

— До чего много людей в нашем городе! И шумно как! Интересно, кто куда идет? У каждого свой забот, свои радости и печали. Только зачем же их хранить строго от постороннего глаза? Если б можно было каждый вечер после трудового дня устроить на площади торжественную линейку, как в пионерском лагере! Как ты прожила этот день? Много любопытного узнала бы люди друг о друге. Тот построил дом, тот сварил сверхплановую сталь, у третьего не ладится с пофигиством. Наверно, немало нашлось бы тут же добровольных помощников, чтоб пособить человеку сообща, если дело у него не ладится. А Тоска рассказывал бы со своим удивительным дном, дне рождения рабочего человека, настоящего токаря, выполнившего норму.

— Глупая погода, совсем замучила эти дожди! — говорит на трамвайной остановке толстяк в зеленой шляпе.

Тоска согласно кивает головой, чтоб не обидеть человека, хотя абсолютно уверен, что давно не было такого хорошего дня. А дождь

что? Даже полезна, он как аккуратно промывает тротуары. И если одеться потеплее, то и ветер не страшен вовсе.

Измученное, но изведанное рыцарь чувство переполняет Тоску. Он даже замедляет шаг, боится раскраснеть это чувство, потерять хоть каплю, удивляясь и радуясь одновременно. А навстречу ему, нарастая и затихая, несется городской шум. В эту минуту Тоска верит в чудо. Вот сейчас, может, даже это толстяк в зеленой шляпе оставит движение и крикнет во весь голос:

— Люди! Вот идет Тоска Скворцов! Снимите перед ним шляпы, люди! Сегодня он впервые в жизни выполнил норму. Сто процентов! Это было совсем нелегко.

Но чудо не свершилось, и люди равнодушно проходили мимо, совсем не подозревая, что творится сейчас в Тоскиной душе.

Нет, недаром мама упрекала Тоску в непостоянстве. Только что ему казалось, что нет в мире человека счастливее его. А вот меркнет, тускнеет его радость. Даже холодный дождик стал раздражать. Кому он нужен, этот дождик! Только грязь от него и сырость. Тоска плотнее запахивает пальто и глубже нахлобучивает на лоб шапку. Он опять чувствует себя неудачником мальчишкой с девчачьим именем. Даже друзья у него нет подходящего, которому, не стыдясь, можно излить все свои беды и огорчения.

Вот и дом. Тоска останавливается у калитки и долго следит, как под навесом чинит дышку огромный кадки сосед Василий Васильевич. На земле, рядом с ним, тутушок с варом. Наверное, собирается замать прачку. Тоска присаживается поближе, посылая, внимательно следит за работой. Вопрос уже давно вертится у него на языке, и наконец он решается:

— Дядь Вася, а как вы работаете на заводе?

Сосед вскидывает очки на лоб, и узкие щелчки его глаз хитро щурятся.

— Как все. От работы не бегая.

— А план? — выдыхает Тоска, и лицо его краснеет от напряжения.

— План? Само собой.

Теперь уже Тоска и не пытается сдерживать вошление:

Николай САВОСТИН

«В одном сантиметре три километра».

— Но это для всех. А для нас... Ты помнишь? Ведь это ты встретил у кедров, где точка на карте сейчас.

Усталост Дорогой — всего три минуты, Колеса на стыках стучат.

Ты помнишь, конечно, в бахлях обутых В болоте ребит и девчат, Которые жили под шапкою кровлей — Вдали от родных городов, Которые утром — здоров, не здоров ли — Всегда говорили «здором», Боясь показаться левтеем и трусом... Вот так сантиметр и прошлы За месяц, пожалуй.

... работает с трусом
Приманишь к подшамм землям?
Что вспомнить еще об одном сантиметре?
Попробуй-ка все улоши:
О дружбе и вепсах, о звездах и вепре,
О трех километрах улоши.

Рисунок
Е. Медведьва.

— А вас... хвалит! Поздравляет!
Василий Васильевич сердится:
— Чудной ты какой-то! Да что я, изменник?
Не для награды старюсь. Время у нас такое, что значе меня. Совет не позволяет. Да и ползуше меня есть. Ото скольки. Да ты это к чему?

Но Тоска уже нет рядом. Тоске надо бы пойти одному у эту минуту. Мама права. Он просто глупый мальчишка, вот он кто. А еще корчит из себя героя, настоящего мужчину. Растет ему еще и растет. Нина сразу почувала, с кем имеет дело... Выполнил норму! Эка невидаль! Обиделась, что по этому поводу в хеще не выстроили оркестр, не сыграли ему Петруньки тш. А разрешите спросить, Антон Пегович, что такое необъяснимое вы совершили? Откуда взяли, что это только выша победой? Даже в голову не пришло подойти к мастеру, поблагодарить, сказать ему спасибо.

«Не для награды старюсь». Когда же я стану таким, как вы, Василий Васильевич? Тоска оглаживаетсь. Вот вырастет новый дом, асфальтирует улицу, даут машины с душнымм хлебом. Незаметно, без шума, без звона оркестров делуют люди свое дело. Для себя, для него, Тоски. Дорогие, удивительные люди...

Снова радость переполняет Тоскино сердце. Наверное, это чувство и есть счастье. Здравствуй, счастье!

Сейчас придет мама с работ. Устала. Надо бы в доме убраться, испечь пещ. Пусть и ей станет радостно...

Ольга САДОВНИКОВА

Ново-Краматорский машиностроительный завод имени Сталина.

Мне странно, когда легко мне.
Поскожьешь лишь ты сама.
Не будь синхронизмальной, помни —
Мне легкость смертельно вредна.

Будь строго, требуй, требуй,
Хоть бы и легко пришлося.
Боясь, чтобы к легкому хлебу
Приобщили не родилось.

Легко мне, а я тоскую,
Не рад я спокойному дню,
Как будто бы вломостую
Станок лишь! Да! Види юно.

Мне странно остаться сразу
С покоем, пускай без вины,
Как выпнуть долозую
Стремительно из губыны.

Мне все доставалось вкаладно,
И в этом, пожалуй, был суть...
Не будь справедливым, ладно!
Чуть-чуть повелемошкой буд.

МАША
ГОРДИТСЯ
КОМСОМОЛ!

ОНИ ЖИВУТ
НА
"КОМСОМОЛСКОЙ"

Маша любила читать газеты. Их каждый день приносили на ферму почтальон. Когда газеты задерживались, она волновалась и каждый раз, заслышав шум машины, идущей от центральной усадьбы, старалась разглядеть среди сидящих в кузове знакомую фигуру почтальона.

Газеты рассказывали о сегодняшнем дне, о делах страны, о событиях, происходящих в мире. И ей часто казалось, что настоящая жизнь, полная больших дел и событий, где-то там, далеко-далеко. Запускаются в космос спутники, строятся атомные реакторы, летчики взлетают из одозвонных домиков, рядом ниже длинные здания санаториев. Вот и вся ферма «Комсомольская». До областного центра — Орла — более ста пятидесяти километров. Что выдохнуть можно сделать здесь, на «Комсомольской»? Этого Маша еще не знала. Она только что окончила семь классов. Надо было решать, что делать дальше? Может быть, уехать в город? Варгу и в самом деле в городе, и только в городе, можно встретить те большие, интересные дела, о которых мечтала девушка? Вот и некоторые девчата уезжают из совхоза.

Однажды Маша просмотрела «Правду», обратила внимание на большую фотографию добродушно улыбающегося человека, которая была помещена на первой странице. Маша пробежала глазами по строчкам: «Замечательная победа... Ярослав Чиж достиг небывалых результатов откорма... Сдано государству...» Раньше, встречая такие сообщения, она как-то не вдумывалась в них. А сейчас... Где он живет, этот добродушный человек с такой широкой улыбкой? На такой же, видно, свиномферме, только на Украине...

В один из студенческих февральских дней на «Комсомольскую» приехала девушка, невысокая, круглолицая, застенчивая — Нина Нестерова. Маше «новенькая» понравилась сразу. Она слышала, что приехала Нина издалека, из города, но откуда и почему, этого Маша не знала. Однажды, будто бы невзначай, она спросила у Нины, в каком из городов те жила раньше.

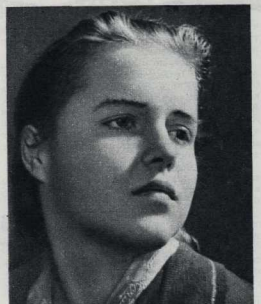
— Да вроде не в маленьком, — сказала Нина. — Акмолинск сейчас, ох, и строится! Рас-тет на глазах...

— А у нас... — Маша чуть помедлила, — нравиться тебе?

— У вас? — улыбнулась Нина. — Как не нравиться! Нравится. Чем же у вас плохо? А главное — работа мне по душе.

Маша и Нина крепко сдружились. А вскоре Маша окончательно решила: остаюсь на ферме!

Девушки стали работать вместе. Они начали с того, что перешли на крупно-групповой (бестаночный) метод содержания свиней.

Раньше все помещение свиначника было разделено перегородками на множество мелких станков. В каждом станке — по четыре поросятки. Отдельно в каждый станок надо было засыпать корм, отдельно каждый станок убирать, да и присматривать за поросятами тоже надо было отдельно. Намешился, набегаешься за день, убирая станки, распределяя корм: при станочном содержании он отпускается по норме.

Ну, а если убрать перегородки? Тогда все помещение свиначника превратится как бы в один огромный станок. Девчата сразу увидели — намного легче и проще будет и корм подавать, и следить за поросятами, и прибирать свиначник.

Первые же дни работы показали, что девчата правы. Сначала у них было восемьсот поросят, потом тысяча, а вскоре прибавилось еще триста поросят. Раньше тако стадо могли обслужить не менее чем десять свиначков. Значит, новый метод требует в пять раз меньше затрат по труду!

Вначале не все шло гладко. Первая неудача получилась у девчушек с кормами. Ведь раньше как было? Засыпался в станок норму — и все. Количество корма точно подсчитано, беспокоиться нечего. Но новый метод недаром зовется «бестаночником». Один из его принципов — беспрепятственное засыпание корма в кормушки. Пока один поросенок, нахавшись, отдохнет, другие стоят у кормушки. Испугались Маша с Ниной — ведь так можно сыпать в кормушки, «как в прорубь», а там и «проглотят» на кормах. И в самом деле, девчата с горечью видели, что теперь кормов уходит значительно больше, чем раньше. Событие к тому, что пришлось ои управлению фермой Эле Макаренко Петуховой.

— Подождите горовать, — успокоила девчат Елена Макаренко, — дайте бухгалтерам подсчитать привесы.

Волнуясь, ждали Маша и Нина первого результата подсчета. Он оказался неожиданным. Выяснилось, что при новом методе кормов уходило в полтора раза меньше, чем раньше. Дело в том, что привесы-то оказались куда большими, чем на то же количество кормов при станочном методе.

Значит, поиск оправдался! Но девчата продолжали искать резервы, искали, как лучше открывать поросат, как избежать потерь. Потери... На первых порах это был страшный бич свиначков. Бывало, зимой чуть ли не через день дохли поросята. Виной была про-студа.

Маша и Нина установили в свиначнике строгий режим «железного тепла». Следовало тем, чтобы двери не оставались открытыми ни одной лишней минуты, берегли поросат при перегонах, чаще меняли seno.

Медленно, но верно новый метод «покорялся» двум упорным комсомолкам.

А сколько было непредвиденных случаев! Как-то случился массовый отравление из-за того, что с завода поступил пороселевый комбикорм. Пришлось срочно забирать кормушки, чтобы не допустить поросат к корму. Еде отпояли «отравленных». Стадо спасли, но девчата поросат пришлось записать в графу «по-тери».

В феврале прошлого года комсомольская ферма обратилась на собрании решения декабрьского Пленума ЦК партии по свиному хозяйству. Разговор был вольнованным, горячим — ведь строил, где говорилось об увеличении производства мяса, касались непосредственно каждого. Тогда-то Нина Нестерова и Маша Быкова решили: за 1960 год сдать стране три тысячи центнеров мяса.

Обязательство было необычайно высоким. Ведь раньше свиначки сдавали всего десятка, хорошо — сотни центнеров свиного мяса. А тут — тысячи!

Теперь уже девчатам надо было глубже, серьезнее овладеть всеми тонкостями нового метода. Пришлось обращаться к теориям, к опыту других. Немало помогли им управляющая фермой и Валя Федоскина — их бригадир и секретарь комсомольской организации. Валя приехала на ферму, окончив сельскохозяйственную техникуму, и много полезного рассказала подругам. Теперь девушки куда лучше разбирались в том, как регулировать откорм, как выбирать различные сорта корма на качество и фактуру мяса.

Восьмь месяцев — с марта по октябрь — прошли в упорном труде. Каждый месяц Маша, Нина и помогавшие им Вали проводили взвешивание и каждый месяц убивались: откорм идет успешно. За это время девчата придумали ряд усовершенствований в использовании подовой дороги. А вскоре они перешли в новую, современную, полностью механизированную свиначник.

Радостной оказалась осень 1960 года для всей фермы «Комсомольская». Две молодые свиначки досрочно выполнили свое обязательство, сдав стране три тысячи сорок центнеров мяса!

О победе Маша и Нина писали в газетах. Девчатам присвоили звание ударников коммунистического труда. ОНИ БЫЛИ УДОСТОЕНЫ ВЫСОКОЙ ЧЕСТИ: ИХ ИМЕНА ЗАНЕСЕНЫ В КНИГУ ПОЧЕТА ЦК ВЛКСМ.

Нину и Машу любили называют на ферме «чехвички» — ведь они последователи знаменитого свиначника.

К январскому партинному Пленуму комсомольки свиномферы «Комсомольская» приволокли замечательный подарок. Это — новые обязательства свиначков, обещавших сдать государству в 1961 году шесть тысяч центнеров мяса — больше, чем в прошлом году.

«Многое изменилось на ферме с тех пор, как две комсомолки непонятными новичкам впервые вошли в свиначник. И дело не только в механизации и высоких показателях...»

Здесь, на ферме, Нина Нестерова нашла свое счастье — в конце прошлого лета ее ферма гуляла на комсомольской свадьбе тракториста Анатолия Бакаленко и свиначки Нины Нестеровой. Совхоз выделил молодому человеку новую комнату, подарил мебель.

И еще одна большая радость у Нины — осенью партийной организации совхоза приняла ее кандидатом в члены партии.

Изменилась и Маша Быкова. Она повзрослела, и многое из того, в чем она еще не могла разобраться два года назад, стало ей понятным.

Она по-прежнему ждет почтальона, по-прежнему с удовольствием читает газеты. Но теперь Маша знает: и она и ее подруги находятся в самом центре большой, полнокровной, полной радостных событий жизни, которой живет страна.

Ан. РОМОВ
свиномферма «Комсомольская».

На снимке: Мария БЫКОВА.

М. БАРЫШЕВ
КОМПАС
РАССКАЗ

Катер развернулся и ушел в море. На гласной отменя оставил геолог Кедрин и практикант Саша Сутормин.

— Итак, Сашок, привалели от нас улазма, — сказала геолог, раскладывая планшет с картой. — Осталась романтика. Человек и северная природа. По Джеку Лондону... Кладдайк. Между прочим, в твоём вкусе.

— Кладдайк — это не очень остроумно, — прищурив глаза, ответил долголетний практикант. — Сейчас нужны примеры из межпланетных путешествий...

Сутормин не одобрял привычку геолога острить по каждому поводу. Воображает из себя бывшего воака... Подумешь, геолог! Без году неделя, как диплом получила... Недавно ему еще всталась практикантесса по тудуре...

Кедрин ткнул пальцем в карту.
— Вот за этихи холмами стоника охотников. Возьмем мы там, Сашок, проводника и днём с ним к истокам реки Дресвянки. Проводник геологу — родной брат. Будешь повсюды группы водить — не забывай эту истину.

И в отношении проводников Сутормин не согласен со своим уважаемым начальником. Тот, кого проводник за ручку водит, не геолог а обыкновенный турист, экскурсант. Геология — это мечта и подвиг. Подвиг геолога и природы...

Кедрин сложил планшет и влез в лямки броуэтого рюкзака.

— Кладраймов сорок на брато... Романтика, Сашок, всегда основательно оттигивает пани. Он помог практиканту надеть рюкзака, и они зашагали по хрустящей гальке к пологим холмам, где выходила охотничья стоника.

Стоника оказалась одноким чудом, пригнувшись на берегу круглого озера. Возле чула, истораславо жукурывая трубку, стоял прижимистый молодой немец в летней майке.

— Здравствуй, хозяин. Принимай гостей, — сказала Кедрин, называя себя.

Все трое усаживсь возле очага и в молчании потгивали из кружек вакуучий, смятой черноты чай.

Ятыского — так звали хозяина чулы — подмывал чай и ждал, когда гости начнут говорить.

В очаге потрескивала сырой тельник. Сквозь модажок — отверстие для дыма — было видно голубое вечернее небо; свежий ветерок, прилетавший с озера, комыла ситцевую занавеску сыального полога.

Когда медный чайник опустел, Кедрин начала разговор.

— Нам нужно пройти к истокам реки Дресвянки и прозвести там геологический поиск.

— Тундра кругом открыта. — Ятыского улабунался, собрав на висках мелкие лучики-морщинки. — Все видно. Где пещец жила, видно, где сапон курюштку убила, тоже видно. Что искать!

— Есть что, — сказала Кедрин, раскуривая от утолка сигарету. — Тудра — это суддук с добром... А крышка у суддука пока еще не открыта.

Тут практикант перебила своего начальника и, загибая испарянные пальца, ста перечислять.

— Нефть, магнетиты, марганец, уголь, зола... Вот что надо искать.

Ятыского посмотрела на молодого и такого ученого парня, ведаверчиво покачала головой: — Далеко идти к Дресвянке... Едомт много. Комар этот год шибко густой. Как песком глаза засыпают...

При упоминании о комарах Сашка пожелала. От этой твари не было никакого спасения. Сутормин обиделся диметилфтолатом, до тошноты махался кремом «Гайды», но тундровые комары на патентованные средства не обращали ни малейшего внимания. Оставалось, одно — лакомариник.

— Отсюда к Дресвянке вам не пройти, — сказала Ятыского. — Сначала надо идти ва Шаминский камень. Там рыбака через болотную реку перевезут, а потом по оленьей тропе на восток. Я хорошо дорожу знаю. Много раз к Дресвянке ездила ва оленьях.

— Проводите нас, — сказала Кедрин и вытпнула из планшета формулу с почетью филиала Академии наук, в которой была просьба к ср-

обшело длинное, покосее на изогнутой нож озеро и вышло к большой реке. Здесь находилась избушка рыбака Кузума, который мог перевезти Яйтасого через реку.

На вопрос Яйтасого проходили ли здесь геологи, рыбак ответил:

— Третьего дня были...

Яйтасого попросил перевезти его на другой берег.

Кузума пристал к тому месту, где высаживал геологов.

— Ты по следам их скоро догонишь... Я приметил, что они не бойко ушли. Выходят из стороны в сторону. Особенно тот, что поволокше.

Видно, уж усталось... Зависают штучка... Яйтасого сразу увидел следы геологов — вбитый округок, выломанную веточку, на следы следов на прибрежном песке. Охотник шел по следам до самого вечера. Но геологов в этот день ему догнать не удалось. Пришлось остановиться на ночевку.

Сарой тальник долго ждал, пока бойкие клячки осядут и вырываются наружу и не запясают по тонким веткам. Пристроив над огнем чайник, Яйтасого закурив трубку и достал из-под мехи маленький компас, завернутый в доску мягкой оленьей замши. За время пути он не раз смотрел, как бойко бегают под стеклянными острия стрелка.

Глядя на маленькую ипрямую стрелку, Яйтасого забывал, что проходились его бокари, что на поезде мамуши в прорези вылезали ключи шпери, что звучат искусственные коварные лица, что тальку осталась всего на три трубки...

Охотник принес к костру ювовую охотку тальника и обшпокивно посмотрел на огонь.

— Пахоо... Огонь совсем красивый стал. На майские сажа жариве — сказал Яйтасого сам себе. — Завтра дождь будет... Хауд в дождь идти. Пересидеть надо.

Он осмотрел кучу валунов у подножия холма и разсыпка среди них крохотную пещерку, заросшую папоротником и жесткими медушками осяки. Наброя кучу глыб, охотник устроил там мяжку постель, лег и тотчас же заснул.

Под утро начался дождь — мохкая неподдающаяся «слуха», которая в туанде может быть веделами. Низкие тучи лениво падали по небу. С потолка пещерки одна за другой свалились крупные блестящие капли.

У Яйтасого кончился табак. Поджав ноги, он сидел в пещерке и сосал пустую трубку. Смотрел на небо, дремал и снова смотрел на небо.

Только сейчас Яйтасого почувствовал, как он устал от долгого пути. Натруженные ноги гудели, и хотелось одного: сидеть в пещерке и ждаться.

В мешке у него оставалось только небольшой кусок оленьего и шевоты чаю. То, что пришлось быть за исходом, не беспокоило Яйтасого. Охотник с ружьем не будет страдать от голода. Тривожились они с другим. Дождь скрмал следы геологов.

« Кто знает, сколько времени будет лить дождь. Сколько дней придется Яйтасого сидеть в пещерке и ждаться, что кто-то привнесет трубку с табаком... »

Охотник улыбнулся. Интересно, много ли он добыл бы псов, если бы сидел на одном месте и ждал, пока песок прибрежит к нему?

Яйтасого взял свой мешок, осмотрел ружье и, не обращая внимания на «слуху», пошел во туанде на восток. Если он не догонит геологов, он пойдет к истокам Дресвянки и будет искать их там. Искать до тех пор, пока их не найдет и не отдаст компас.

Пробравшись по слизневою склону, охотник осматривался на мокром камне и угадывал, по осям, испаривая лицо и разорвав на слине мамуши. Соединя на лице тупо выала, и по щке стеклами струйки дождя, розовые от крови. Ветер забирался под мехлицу и знобля спину.

Все живое в туанде спряталось от дождя. В густойке поры заблещили алынички, укрывшись в камешных россыпях бойкие пуночки, сидели в густобных гнездовьях псыды, в густой тальник заблещил гусь. Даже невнятный гуси и тот вышел себе сухие щепи. И ашн Яйтасого брел и брел по туанде, до боли в глазах всматриваясь в седую плену «слуху».

К вечеру следующего дня с севера пошла порывистый ветер. Он разметал тучи, и неожиданно проглянуло низкое солнце. Косые лучи его не грели, но оттого, что они скользили по земля и блестяли в морской осяке, у Яйтасого стало несомненно на душе.

Он поднялся на холм и, отыскивая ближайший ерик (заросль скрюченных полярных березок и тальника, единственное топииво в туанде), вступил в поветованной от солнца туанде срезе пещерки. Зорким глазом охотника угадывал в этом пыльном бурнисувою тальку.

Когда до палатки осталось километра полтора, Яйтасого уже ждалось от усталости. Ноги подгибались, нажимали оживившей тяжестью. Хотелось сесть и немножко отдохнуть. Но Яйтасого знала, что у него тудра не знает сна полниться. Можно было крикнуть, выстрелить из ружья, позвать на помощь. Но этого охотник делать не хотел.

Он вышел в себе сама. Подошла к палатке и второявно поздравился с Сашей, который возник возле твоего костра.

— Яйтасого! — От удивления практикант даже протер глаза, увидев охотника в изюбранный майлице с кровородителью на скакустом обветренном лице.

— Что с тобой, Яйтасого! — Саша встала на ноги. — Ты не обиделся котомке с ужином.

— Петро! — заржал он. — К нам Яйтасого пришел.

Из палатки вынулса голова Кедрина.

По обычаю туанды геолог старался не распрощивать гости. Они усладили его юлове костра за невещивою мехом. Саша нашла Яйтасого болашуо кружку чаю, крепкого и пахучего. Яйтасого, взяв кружку обеими руками, блаженно зажмурил глаза и, обжигаясь, торопливо осушила ее.

Саша нашла ему вторую...

После третьей кружки охотник попросил закурить.

Набив трубку, он сделал несколько затяжек и неожиданно улыбнулся.

Кедрин и Саша, стоявшие возле охотника, переглянулись. Яйтасого хитро поглядывал на них, суная руку под мехлицу и выставляя крохотный светящийся алынич.

— Вот, возьми... Компас принес... подал он сверток практиканту.

Саша развернула замшу и увидела компас, выброшенный им за невдобностью.

— Так это же... — вывала он.

Кедрин адрнул Сашу за рукав.

— Вот тут вынулчн, Яйтасого! — сказала он возбужденно. — Теперь-то мы развернем работу. Без компаса, как без рук...

— Ты что, Петро, охумел? — Саша хлопала глазами, недоумевая, для чего Кедрин разглагольствует комедию с компасом, тогдам для кончатского похода.

— Эх, Саша, барыня твою голову! — проникновенно зашептал Кедрин, обнимая Сашу за плечи. — Ведь для того, чтобы нам этот компас возвратить, Яйтасого джвлял нас, согни две километра! Проще. Неужели не оозорившись, что для пустого дела через туанду не пойдут?

И тут Саша сообразила.

Яйтасого курил трубку, смотрел как геолог вертает маленький компас, выхватывая его из рук друг у друга и говорят наперебой, что с этим компасом они сумеют отыскать в туанде невиданные богатства.

Охотник кивал головой, а сего, словно оленья шкура, мягко обволакивала его голову, склоняя ее на грудь.

Яйтасого спал в палатке на самом лучшем месте, укрытый Сашкиным одеялом. Он не слышал, как, спряч и заткнувшись костре, Кедрин говорил практиканту:

— Пока Яйтасого с нами, придется с твоим «пионерником» поработать. Второй компас покажите ему незлым...

— «Пионерник», конечно, нам вперет... — говорил Сутормник... потом придется переждать... Эх, Петро, Петро! Такого зряря я обидел...

Получившее багровое солнце катилось вдоль чистого бадаю-голубого горизонта, обещая ясную погоду.

Эти пыльные комары, кружась возле костра. Крутом легким плоским разрез туанде, в которой были скрманы неясные сумеречные контуры. Нужно только научиться отыскивать их.

Рисунки Д. Хавянина.

ЭСТАФЕТА В ДЕЙСТВЕ

СБЛЕДУ НАВСТРЕЧУ

С БОЛЬШОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗА ПОРУЧЕННОЕ ДЕЛО ТРУДИТСЯ КОМСОМОЛЬЦЫ З-ГО СТРОИТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ТРЕСТА «АЛЕКСИНТРИСТРОЙ». Вдв сооружаемая ими Алексинская картонная фабрика входит в число шестидесяти предприятий целлюлозно-бумажной промышленности, которые комсомолец взял под свое шефство.

Каково на участке, где мастером семьи комсомолка Галина Кутепова, привезли гравий крупной фракции, Галина, несмотря на уговоры, отказалась его принимать. Она знала по опыту: такой гравий для фундамента не подходит. Арматура здесь очень частая, и при работе вибраторов гравий крупной фракции она не пропустит.

Поступок Галин Кутеповой стал предметом серьезного разговора среди строителей. В тресте созвали специальное совещание с участием представителей бетонного завода.

Сейчас на участке Галины Кутеповой, где ведется закладка фундамента под картоноделательную машину № 2, приходит гравий только мелкой фракции. Работы идут бесперебойно.

Такие беспрецедентные, принципиальных комсомольцев много в строительном управлении. Недаром план первых трех месяцев 1961 года выполнен на уровне 120 процентов, а управление завоевало первенство среди промышленных предприятий Тульской области.

Заключить заказу фундамента картоноделательной машины № 2 комсомольцы стройки обязались досрочно.

СТРОИТЕЛИ БРАТСКОЙ ГЭС ведут работы по сооружению самого здания ГЭС на плотине и на открытом распределительном устройстве напряжением 500 тысяч вольт. Это основные, решающие объекты, необходимые для пуска первых агрегатов.

Высоким барьер Ангары. Здесь высятся скалы из необычайно крепкой каменной породы — диабаз. Пробрать скалы, прорезать в них тоннель — вот какая задача была у строителей. В тоннеле пройдет высоковольтный кабель от трансформаторов и распределительному устройству.

За выполнение этой задачи зались бригады проходчиков Инноcentия Передельного и Михаила Дубина.

Строители врубаются в скалы. Бурение... Заледка взрывают... Взрыв! Когда половина туннеля была пробурена, внезапно появились грунтовые воды. Но проходчики не отступили. За счет модернизации деталей был намного усовершенствован процесс бурения. Строители обещают закончить тоннель досрочно.

Темпы строительства ГЭС нарастают. Раньше других достига проритных отметок плотин бригады коммунального труда Михаила Мурашова. Первые агрегаты ГЭС будут пущены в ход весной.

У СТРОИТЕЛЕЙ НОВО-ЛИПЕЦКОГО МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО ЗАВОДА СЕЙЧАС ГОРЯЧИЕ ДНИ. Все их внимание сосредоточено на двух основных объектах, которые комсомольцы стройки обязались сдать в конце года. Это чех холодного проката и домна печь.

Но тут получился неувязка. Заступают бетонщики на смену, а работать часами бетон не может.

Как-то вечером в штаб Всесоюзной ударной стройки пришел шофер Иван Мухомов. Он привез заметку, почему не хватает бетона. Приедет машина с грузом на стройку и часами стоит, пока ее разгрузят. А иной раз наоборот: пустой

СЛОВО ТЕБЕ, НАШ

Пленум ЦК ВЛКСМ предлагает комсомольским организациям широко распространить опыт высокопроизводительного использования техники и бережного отношения к ней, накопленный бригадой Михаила Довнина из совхоза «Ярославский Целинный край».

(Из постановления IX пленума ЦК ВЛКСМ)

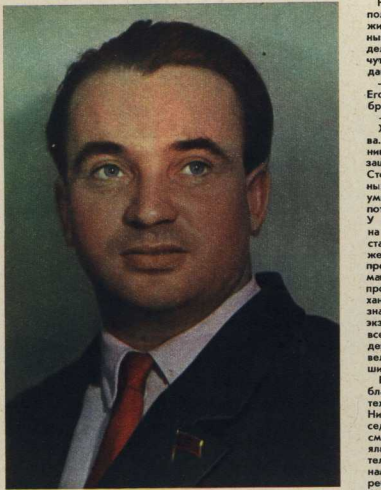

Фото Г. Дубинского.

Я получаю много писем. Механизаторы, студенты, полеводы интересуются, как живет еподыята целинная, как борется третья бригада за урожай, растут ли посаженные нами деревья. И я, по возможности исправно, отвечаю своим заочным друзьям, что к новому сезону мы готовились хорошо, что на полях третьей бригады поднялся настоящий лес и что бригадиром в этой известной на весь Казахстан бригаде уже не я, а Рогуляни Алексеев.

Получилось это так.

Как-то во время пахоты мы зевали к первую бригаду. Солнышко уже было высоко, но работа там, видно, только началась. И вдруг мы увидели три трактора. Они лихо неслись в одном направлении. Один вырвался вперед и, открывавшись синим дымом, приближался к какой-то невидимой нам цели. Подъехал, остановился. Потом подехали и два остальных. Оказалось, что целью гонок были сваленные на краю поля плуги. Тракторист, которому удалось первым завести трактор, захватывал лучший плуг. Отработался — и снова все плуги в кучу. Мы никогда раньше не видели такого жардства. Кажется, именно в тот день у бригады и появилась мысль — перейти из третьей бригады в первую.

Раставаться с хлопцами было, конечно, нелегко. Как-никак вместе снимали пять целинных урожаев. Вместе в апреле пятнадцать четвертого развезли на массивы голую землю, ставили первые палатки, проводили первые борозды. Потом вместе ездили получать награды. Был Васильченко, Ваня Добрынин, Миша Казиханов, Витя Сивенков — разве таких друзей еще найдешь?

На прощание я обшел весь полевой стан. Чистенькие общипанные парки, красный уголок... Все своими руками делаем. Хлопцы шли за мной чуть поодаль. Смотрели выходящие и грустно.

— Может, все-таки останетесь, Егорыч? Ведь привик. Совоя бригада.

— А совхоз чей?

Хлопцы молчат. Никто ни слова. Подошли к главному — к технику. Тут у меня аж сердце защемило. Хочу уйти — не могу. Стоят по линейке на специальных площадках тракторы, словно умытые.

Рядом — комбайны, потом — плуги и так далее. У каждой машины свой столбик, на нем табличка с фамилией старшего и сменица. Это, кажется, Ваня Добрынин первым предложил — завести на каждую машину свой паспорт. Тогда же проводили мы ператечки — механизаторы сдавали экзамены на знание правил агротехники. Сдал экзамен — получай трактор. У нас все механизаторы хорошо выдержали экзамен, так и повелось — каждый за свои машины головой отвечает.

В тот год, как я переходил, мы благодаря отдельному состоянию техники отсыпали за три дня. Никто врать не хотел. Из соседних районов приезжали посмотреть, правда ли, что отсыпали. Из обкома приветственная телеграмма — пришла. Премно нам дали. Мы на эту премию ребятами из Первомайского детдома купили подарки.

Первого июня пятнадцат девятого года я впервые пришел на стан первой бригады. Утро выдалось солнечное, веселое. В такое время только и работать. Но кругом тишина. Ни души. Заглянул в вагончик. На полу — тарелка, в ней окурки. Двое приезжих перичек похорывали на голах полка. Пошел к машинам. Там, как и в Курской дуге, была в куче скалочная, грязная. Шест трактор без гусениц, по кабинку в мусоре. Раньше за первую бригаду урожай собирал соседний совхоз «Энтузиасты», Боронина вторая бригада, села пятая. Там — привали — все время на буксире. Народ в первой бригаде не держался, что ни сезон — больше половины новых.

Часам к одиннадцати начали тннуться механизаторы от центральной усадьбы. Десятки, не уборка, но сев — слышать некуда. Я подождал, пока все подойдет, и говорю:

— Ладно, хлопцы, концерт заканчиваем. До меня у вас 15 бригадиров сменилось. Верно? Там вот, я никак не уйду. Завтра перевезу на стан свою кояку и буду здесь жить до конца уборочной. Вы, как хотите, но в восемь часов быть здесь как штык. — Они молчат, переглядываются. — С этого дня, — говорю, — приступаю к ремонту техники. За каждым закрепил свой трактор, комбайн, плуги, свелку и прочее. С каждого и спрашивать будем. Перед работой — каждый день — собрание-пятиминутка. На нем объявляю дневные задания и вместе думаем, как можно их перевыполнить. Техническую литературу на стан привезем. Это, — говорю, — и моя прихоть — это опыт третьей бригады, которую мы отлично знае.

В. САЖИН

«...создать условия, которые позволили бы вести сельское хозяйство так, чтобы оно не зависело от капризов природы».

(Из постановления ЦК КПСС.
Пленума ЦК КПСС).

Говорят, природа рациональна.

Веками человек восхищался ее гармонией. Восхищался и страдал. Но не пераз передал ее, подчинил своей воле. Ведь природа рациональна...

Перехлонул перед гармонией природы, может быть, и поэтично, может быть, это и необходимо, чтобы воспеть красоту, но в век, когда человеческий гений, проникнув в тайны атомного ядра, вызвал к жизни величайшие силы, когда он, с помощью электронных машин, приступил к моделированию человеческого мозга — этого венца созданной природы, разговоры о совершенстве природы не могут звучать так, как они звучали в прежнее времена. Вернемся лучше к реальной действительности, к размышлениям о том, что планета наша для жизни слишком мало оборудована.

В самом деле, справедливо ли, что, скажем, в Сибири добрую половину года стоит холод, трескучие морозы сковывают ее богатейшие земли, скрывая от человека несметные сокровища, во время как в Африке круглый год палят тропическое солнце и люди там не знают снега? Разве нельзя подогреть поровну на весь земной шар?

Есть такой проект: создать вокруг нашей планеты с помощью ракет кольцо из мельчайших твердых частиц. Сверкая в лучах Солнца, это кольцо будет отражать и распространять свет и вместе с ним тепло равномерно по всей Земле. Исчезнет ночь. Не будет зимы. Растают льды полюсов... Говорят, что если расплавить все льды, то вода затопит материки. И все же! Если можно так переменить климат на Земле, то, вероятно, можно устроить и какие-то хранилища лишней воды в виде льда?..

Так или иначе, но проблема коренного изменения климата на Земле будет решена, будет нарушена несправедливость природы, о чем в наше время можно говорить убежденно.

но. Но это задача будущего. Может быть, следующего поколения.

Нашему поколению предстоит исправить другую вопиющую несправедливость природы. Взгляните на карту нашей Родины. Сколько рек несут свои воды в мертвое пространство Ледовитого океана! Несут, чтобы превратить их в льды. И в то же время плодородные, теплые земли на юге остаются без воды.

За последние годы мы подняли к жизни сорок один миллион гектаров целины. Молодые энтузиасты, посланцы комсомола, распахали и засеяли веками пустовавшие земли. Теперь мы должны налить засушливые земли, вдохнуть в них жизнь, дать им возможность цвести в любой год, пусть даже самым сухой. Такую задачу поставил январский Пленум Центрального Комитета партии перед советским народом, перед молодежью. Выступая на пленуме, Никита Сергеевич Хрущев говорил: «Ирригация позволяет нам сделать новый шаг к более интенсивному ведению сельского хозяйства. Широкая программа по ирригации — это дело с большой перспективой».

И, естественно, комсомол не может оставаться в стороне от этого важного патристического дела. Это будет новая комсомольская целина, новые поля сравнений за рубежом.

Как же изменится карта нашей Родины через несколько лет? Какова та программа, о которой говорил Никита Сергеевич? Почему мы сейчас имеем возможность приступит к проведению колоссальных ирригационных работ, сооружению гигантских оросительных систем?

Среди буржуазных экономистов нередко слышались разговоры об опасности перенаселения Земли, о неспособности нашей планеты прокормить все увеличивающееся человеческое общество. Вряд ли подобные рассуждения можно объяснить несведомленностью такого рода теоретиков в возможности Земли. В их мультимиллиардных разглагольствованиях просвещает плохо скрытое стремление оправдать пороки капитализма, систему, при которой огромные массы людей, особенно в колониальных странах, вынуждены жить впроголодь.

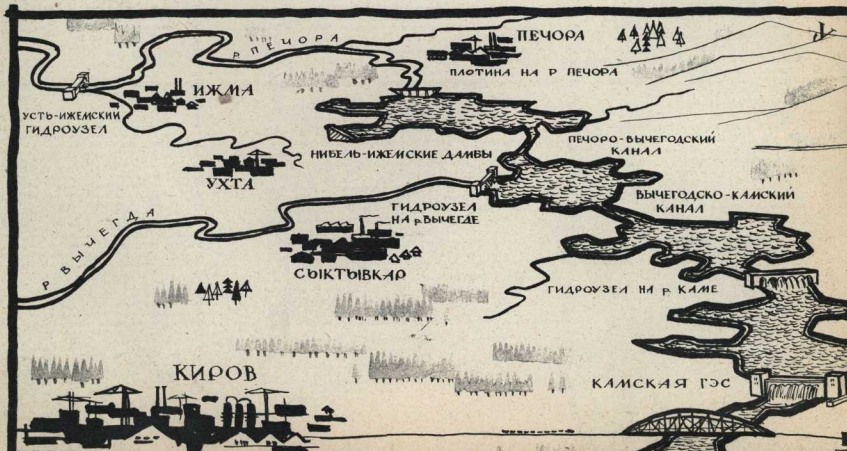
В самом деле, земли любой южноазиатской страны неизмеримо благодатней, чем во многих странах европейского континента. Но экономическая отсталость — наследие колониального гнета — не позволяет народам этих стран обеспечить себя всеми необходимыми продуктами питания, взять от своей земли все, что она может дать. Не хватает электростроения, нет нужных машин для строительства и эксплуатации оросительных систем. Следовательно, говорить нужно не об опасности перенаселения Земли, а об опасности для человечества капиталистических порядков.

Мы строим коммунистическое общество. Мы стремимся к максимальному удовлетворению всех потребностей людей. И поэтому для нашего государства естественно проведение грандиозной программы ирригационных работ.

Было время, когда и наша страна не имела средств для осуществления вековой мечты крестьян — орошения полей. Теперь у нас есть мощные электростанции, у нас есть высокопроизводительные машины, способные тянуть каналы, намывать плотины, качать воду на любую нужную высоту, чтобы она могла течь по полям, впиваться в корни растений. Мало того, если прежде мы могли строить только самодельные оросительные системы, то теперь благодаря современной технике орошение не зависит от самотека. И это, как ни странно, будет обходиться даже дешевле.

Вот один из проектов программы строительства ближайших лет. Это проект поворота северной реки Печора на юг.

Три десятилетия назад в бассейне северных рек, в те места, которыми владели лишь охотники, пришли выскочившие партии. Еще в те времена, когда сама мысль о переброске вод северных рек на юг казалась сказочной, дерзкой мечтой, советские инженеры стремились найти решение этой проблемы. Неужели в Завольске эти районы целиком зависело от капризов природы. Каспий — величайшему в мире озеру, названному за его размеры морем — грозило полное обмеление. Достаточно сказать, что высыхание его

КАВКАЗ

продолжается и по сей день: за последние тридцать лет уровень его понизился на два метра. Древо Хвалынского море уграло. Осложнилось судоходство. Гибла рыба. Владыготный край был обречен на оскудение. Это необходимо было вернуть людям. И вот ведомые патристическими чувствами энтузиасты этой проблемы, бродя по сузовым пещерским местам, составляли расчеты и карты, знали: труд их не пропадет даром.

Было предложено несколько проектов. И лишь теперь выбран один из них. Он принадлежит специалистам института «Гидропроект» имени выдающегося советского гидростроителя С. Я. Жука. Главный инженер этого проекта Турген Леоневич Саруханов.

Вот какую картину он рисует перед нами. Пройдет некоторое время, и дикий охотничий край будет разбужен реком экскаваторов. Землососные сланиды вьжутся к берега Печеры и в устье Вои намот двенадцатиклометровую плотину. Она поднимет воду на восемнадцать метров и образует большое водохранилище.

Другая плотина — тридцатичетырехметровой высоты — встанет на пути Вычегоды у Усть-Кулома и образует второе водохранилище. Третья — у Воронки, на Каме. Здесь будет сооружен Верхне-Камский гидроузел с гидростанцией мощностью в 700 тысяч киловатт.

Все три водохранилища будут соединены каналами Печерско-Вычегодский длиной в шестьдесят километров и Вычегодско-Камский протяженностью в сто километров. Каналы будут достаточно широки и глубоки, чтобы пропускать крупные морские суда. При этом не порубятся шхеры: уровень воды во всех трех водохранилищах будет одинаков. Так в этих ныне глухих местах появится крупнейшее в мире искусственное море. Площадь его составит пятнадцать с половиной тысяч квадратных километров — вдвое больше Кубышевского и четверо больше его по объему.

Когда будет создана эта система, в волжском потоку прибавится 40 кубических километров воды в год. Иными словами, к Волге как бы присоединится Днепр.

Рисунок О. Федулова

Эти воды, которые Волга пошлет к Кавказу, и оросят земли Заволжья. Но по пути воды северных рек помогут Волге и Каме с большой энергией вращать турбины электростанций. Мы сможем получать на тех электростанциях, которые уже построены, дополнительно столько электроэнергии, сколько дает Волжская гидроэлектростанция имени В. И. Ленина. Следует заметить, что все сооружения, связанные с переброской вод северных рек на юг, обойдутся чуть ли не вдвое дешевле, чем строительство Волжской ГЭС. А это значит, что и электроэнергия на уже существующих станциях будет вдвое дешевле.

Перспективы захватывающие!
Но еще несколько красочных цифр. Два миллиона орошаемых земель Заволжья принесут нам столько мяса свиньи миллиона тонн ежегодно. В этих местах можно будет получать сельскохозяйственных продуктов столько, что все расходы на сооружение ирригационной сети, насосных станций, механизмов и построек для животноводства окупятся в три-четыре года.

Какой заживет полноводной жизнью. Коравы смогут свободно породить его воды. Завоев возникнет рыболовецкое хозяйство.

Но возродится не только сельское хозяйство. Возпрянут от вековой спячки и северные воды. Отдав одло свое богатство — воду, им легче будет отдавать и остальные: лес, уголь, торф, калийные соли, гипс и массу других полезных ископаемых. Дело в том, что богатства края трудно было взять. Здесь проложена единственная железная дорога. Реки мелководны, и по ним затруднено не только судоходство, но и сила леса. Когда же будет осуществлен грандиозный проект, появится водный путь, который свяжет север с промышленными районами страны. Печерский уголь, лес и другие богатства края буквально потекут широкой рекой на заводы и стройки страны. Корабли из северных морей смогут подходить к причалам Камы и Волги, Оки и Дона, Черного, Азовского и Каспийского морей. Вырастут и энергетические ресурсы севера: кроме камских гидроэлектростанций, на Печору предполагается воздвигнуть модульную Усть-Ижмускую ГЭС. Она даст дешевую электроэнергию шахтам, лесозаготовкам и деревообрабатывающим комбинатам.

Но это лишь один проект, часть величественной программы гидростроительства, к выполнению которой наш народ приступает в ближайшем время.

Широкое ирригационное строительство разовьется в Средней Азии. В Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане можно орошить около трех миллионов гектаров земель. Здесь будет построена Нурунская ГЭС и система водохранилищ. Здесь можно будет выращивать массу дешевого хлопка, развести сады. Ждут воды южные земли Украины. Воды Днепра пойдут в Крым и превратят его в сплошной сад. На очереди освоение дельты Дуная.

Осушительные эскизы проектов — дело ближайшего лета. Многие из этих строек уже объявлены ударами комсомольцев.

Но ученые и инженеры заглядывают дальше. Они разрабатывают планы переброски вод сибирских рек Оби и Енисея на юг. Эти реки со щедростью смогут отдать 300 кубических километров воды в год. Предполагается создать грандиозное Обское море. И от него через Тургайские ворота вода пойдет на земли Средней Азии, орошит теперешнюю целину. Это будет второе рождение целины.

Перспективы грандиозны. Руками нашего поколения будет исправлена карта нашей Родины.

...Говорят, природа устроена разумно, гармонично. Нет. Это неправда. Гармоничной ее делает человек. Человек изменяет ее так, чтобы ему было проще жить на этой планете, чтобы она его дарила кормила и одедала.

Человек оборуодует свою планету для жизни и создает на ней самый справедливый мир.

Программа ирригационных работ — часть в строительстве коммунизма мира, и которой мы хотим жить.

«Будапешт» Выходит в океан

Стальной гудь таннера расцветает упругие волны Финского залива. За кормой пенится мощный след бурь. Идут последние испытания корабля, названного именем венгерского

Таннер «Будапешт», владский соборат «Генниш» и «Варшавы», бороздящих океанские просторы под советским флагом, создан коллективом судостроителей Балтийского завода имени С. Орленкина. Впрочем, это не совсем точно: в сооружении корабля участвовали не только балтийцы, но и рабочие, инженеры, техники других заводов, институтов, конструкторских бюро.

И все же одна примечательная особенность отличает этот таннер: от первого до последнего дня строительства его отпечата комсомольские, вышившие шефство над «Будапештом». Они строили таннер, следили за графиком работ, «часами» узили места, поднимали молодежь на субботах, и в первую очередь таннер в танне заботливые руки экипажа «Будапешта» составили основанным из моряков комсомольского вооружения.

...Когда читатель прочтет эту заметку, «Будапешт» уже выйдет в океанский простор.

В СВИНГАРНО, инженер г. Ленинград

В продаже появился «Кварц»

Сейчас едва ли не каждый отравляющийся туристический поход, дом отдыха или просто на прогулку берет с собой фотоплатье. Но все чаще можно встретить людей, вооруженных не только «Зорником», «Зенитом» или «Сменой», но и киноаппаратом.

Недавно ассортимент любителей намер пополняется еще одной новинкой. Красноярский механический завод выпустил намер «Кварц». Его могут пользоваться туристы, охотники, спортсмены... Она снабжена объективом «Оптика-2А» с фокусным расстоянием 12 миллиметров. Фокусировка осуществляется с помощью 16 кадров в секунду. Но конструкция «Кварца» позволяет вести также замедленную или ускоренную съемку.

Изготовленные монок камер поручили участку, который руководит комсомолец Дмитрий Горюнов.

Сейчас и серийному выпуск готовятся «Кварц-2». Новая линейка миниатюрная будет снабжена фотоспектрометром для установления дифракции и двумя насадками, которые позволяют изменять фокусное расстояние объектива.

В. ГУЛЬБИН

ВАН БАО-ЦЗИН ПРИШЕЛ В ВУ

МОЛОДОЕ КРЕСТЬЯНИН—УЧЕНИЙ ВАН БАО-ЦЗИН.

Известно о том, что Ван Бао-цзин поступил в академию, быстро разнеслось по деревне. Еще бы! Раньше здесь не было ни одного человека, окончившего хотя бы среднюю школу. А Ван Бао-цзин не только окончил школу, но и переваливший и переваливший на своем веку, после долгого раздумья сказал: «Крестьянин в академии» — слухах! Это стало возможным только после освобождения.

Басю-цзин ездил в Северно-Западную сельскохозяйственную академию не в первый раз. Он был частым гостем, консультируясь там по многим вопросам. Преподаватели и студенты, в свою очередь, ездили к Ван Бао-цзину, так как он у себя проводил опыты по увеличению урожая.

Ван Бао-цзин самостоятельно прошел часть программы академии. Он тщательно изучил преподавание, культивацию, асплаху. Практически он вывел 15 новых сортов культур.

В летней уборке Ван Бао-цзин руководил бригадой из Чжэн Чэн-чэй, работавшую раньше в его команде «Фэнган».

Леница была построена так, как будто она беседовала после работы со своими друзьями — крестьянами. Ученые даватели академии показывали в команду. Там они организовали курсы по повышению квалификации механизаторов...
Таков путь молодого крестьянина в свободном народном Китае.

ЛИ ГО-ИН

АНДРЕ ДОРЕ

СЕРЖ ГИНАР

В РОЛИ УБИЙЦ — ПОДНИЦЕВИЕ
В постановке французских артистов — польской оперы — в роли убийц выступили артисты польской оперы — в постановке французских артистов — польской оперы — в постановке французских артистов — польской оперы — в постановке французских артистов — польской оперы...

КОРОЛЕВСКИЙ БИЗНЕС
— Так вы его узнали, господа? Да ведь это король, вернее, король-актер, французский актер Валле-Масюваль и Румянкин. Когда ругались решили обидеться, без монархизма заправляла я...

ПИСЬМО ИЗ ФРАНКИСТСКОГО ЗАСТЕНКА
Рабодневни Будет подарилено логотипа, большая часть их долгов жизни проделана. Присланы в Мадрид со всех уголков Испании и всего земного шара!
Мы вымазали в голосу человеческой солидарности. Мы хотим жить! От нас на Украину в застенки. Нуркули мы дичей в семьях с женами, детьми, внуками!

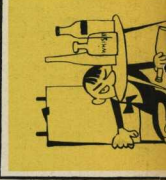
Шестидесятилетние политические заключенные МАНУЭЛЬ ЗАРИКО, 60 лет, осужден на 30 лет, ФРАНЦИСКО РЕЙ ДРОК, 67 лет, осужден на 20, 12 и 8 лет, ДОМИНГО БОРЖЕГО БОРХА, 75 лет, осужден на 30 лет, МАНОУЭЛЬ АРАУКАРИА, 65 лет, осужден на 45 лет, ЭСКЛАРА НАРЕЗО, МАНОУЭЛЬ ОРТЕГА МЕРИНО, 62 года, ХОСЕ ПАЛОМУ АНХЕЛЬ ДОНАБАИ, 77 лет, ЛУИС ЛАЗКАНО ГАРРИА, 63 годов.

Одиннадцать подписей под этим письмом, возмущенных тем, кому да мир и демократия. Единственно партию, в которой мы видели будущее, к счастью! С каждым днем ширится движение солидарности с испанскими политическими заключенными. Честные люди мира работают: свободу испанским партиям!

Почему я вступил в Союз коммунистической молодежи Франции?
Меня зовут Кристиан Муазо. Мне семнадцать с половиной лет. По профессии я маляр. Мой брат — член Союза коммунистической молодежи. Я тоже вступил в эту организацию. Вступил потому, что она борется против призыва в армию в 18 лет. В противном случае, чтобы получить солдатскую пенсию, необходимо вступить в армию в 18 лет. Я проглотил этот позор. У меня много товарищей, работающих за свободу Испании и Орана. Независимость! они показали это во время недавних событий в Алжире и Ороне.

Несмотря на полицейские репрессии, незная на фашистствующие население в армии, мои товарищи продолжают работать на правительство Алжирской Республики. Францики нужны мировые переговоры с Алжиром.

Париж.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК
— ОТКРЫТИЕ. ЯПОНСКОГО ХУДОЖНИКА
Японский художник Тэзо Фукучи открыл новую область искусства. Он не только живописно, спирально, спирально, спирально добывает тона, цвета, оттенки, но и вводит в искусство ритмические элементы. Например, создает портрет женщины, который выглядит как будто бы был натюрморт — блондинка, и кривая, и «Но» — завершая художника, — трупное изображение искусство сосать Мистри.

Теле-художественную картину, снятую в Париже. В ней рассказывается о жизни в Париже во время войны.

Видно, торгуют войнами в каждом городе. Везде есть люди, которые готовы продать войну, кто угодно, за деньги. Видно, торгуют войнами в каждом городе. Везде есть люди, которые готовы продать войну, кто угодно, за деньги.

Р. ЯКОВЛЕВ

НЕОЖИДАННОЕ ПРИЗНАНИЕ

инстранного государства, против милитаристского курса диктатора Нго Динь Дьема. Впервые, террористические методы Нго Динь Дьема не спомани дуга южноазиатских патриотов. Они продолжают борьбу. Диктатор бросает против них целые батальоны солдат и офицеров. Но содержание армий и жандармского аппарата мдет 80 процентов южноазиатского бюджета. Кто же поставил оружие армии Нго Динь Дьема? Кто финансирует ее террористические действия?

Недавно мы получили американскую газету «Нью-Йорк геральд трибун». На ее первой странице опубликовано фото Нго Динь Дьема. Подпись гласит: «Вооруженные американские оружием и руководимые обученными американцами-офицерами, солдаты Соединенных Штатов». Конечно, так, как говорится, изложил.

Большой торной называют сегодня Южный Вьетнам. В многочисленных концентрационных лагерях и тюрьмах томится тысячи патриотов. Они ждут освобождения. Они требуют провозглашения свободы, свободы ли за свободу страны, за ликвидацию

Логика клеветника

разглагольничав французскую общественность. Газета «Юманите» выслала «Франс-суар» за это печатное хулиганство. Фельетонист, пишущий под псевдонимом «Жан Вильямс» «Франс-суар» был вынужден извиниться в том, что бриллианты уцелели именно он.

«Я люблю Кокетту», писал Жан Вильямс, «я люблю Кокетту, я люблю Кокетту, я люблю Кокетту». Он любил французскую вошпину. Она любит атомную бомбу. Ей не хватает денег на водородную Девушку. Знают, бриллианты уцелели. Он должен это сделать, том боевое дело недавно было объявлено: французская армия в районе Индийского океана.

Западная печать сейчас на все лады пытается отобрать уступленную общественно:

«Крупнейшая кража века! 75 тысяч бриллиантов похищены из лондонских сейфов!»

Для многих буржуазных писак этот факт стал поводом для провозглашения атомного века. Вы слышали, атомный век, вы слышали, атомный век, вы слышали, атомный век.

Нужно во что бы то ни было найти пропаганде алмазы, иначе они могут поехать в русский, а те бриллианты, которые не попали в водосток ракета!

Выслезет бриллиантов стопами. Выслезет только газета «Франс-суар».

Этот глумливый выход в адрес страны, которая воевала за свободу, за свободу, уже получил отпор.

Австралийцы, летающая машина, летающая машина, летающая машина. Летающая машина, летающая машина, летающая машина.

СЕДЬМАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА ЮННОМ ПОЛУОСЬЕ

Около двух тысяч человек экспедиции Англии и Юнноту полково. Их командировал экспедиции сев. американцев и один из английских авиаторов Уингетера. Они были направлены в Антарктиду. Они были направлены в Антарктиду.

СПЛАК И ПОНОГ

Менять боты, мы сплываем, плаваем, плаваем, плаваем, плаваем, плаваем. Плаваем, плаваем, плаваем, плаваем, плаваем, плаваем.

ЛАСОТ КТО ЭТО?

Газета города Албани (столица штата Нью-Йорк) решила провести опрос населения. Она решила спросить, кто это? Кто это? Кто это? Кто это? Кто это? Кто это?

ВСЕ ДЛЯ ВОЙНСКИХ ПООТВЕРЖЕ

С американскими правительством министерство Воены сообщает, что Воены, Воены, Воены, Воены, Воены, Воены. Воены, Воены, Воены, Воены, Воены, Воены.

ПАПА ПРИГЛАШАЕТ В ГОСТИ

Как сообщает журнал «Ньюсвек», папа римский приглашает в гости американского США Эдварда Говарда. Папа римский приглашает в гости американского США Эдварда Говарда. Папа римский приглашает в гости американского США Эдварда Говарда.

О улице нетерпеливо идет гоголюбагда лезушка. Гусак прыжка вы-бился на-под платка.

Поравнявшись с угловым пятиэтажным домом, в котором загорелись первые вечерние огни, Толя Калемина замедляет шаги. Случайной прохожий не отличит этот дом от его многоэтажных соседей. Но для Толи он особый, единственный в целом мире, самый дорогой дом.

Именно сюда пришла она сразу после окончания школы, здесь в первый раз взяла в неумелые руки мастерок. Сама заглаживала непросохшие стены, привлекала держала в явную тяжелый сокол с раствором. Шукатурила потолок, училась тынуть руствы. Следом за ней шли маляры и паркетчики. Сыrovый запах сохнувшего раствора смешался запахами олифы и клея. Гоголеби свежеебыленные поголки.

В дворе еще высыхали последние деревца, а у парадных крыльц ступилась новоселье, и в расплывчатые двери подвездов вползали полированные шкафы, белоснежные холодильники, горящие на солнце зеркала.

Толя соврвачает за угол. В морозном воздухе ярко горят фонари. Под инегами покрываются снежком. «Мой дом!» — улыбается девушка при себя.

Два года назад Толя, вчерашняя десятиклассница, начала самостоятельную жизнь.

Люди, грудившиеся рядом с ней, обладали удивительной snowrock. Он работал слухом, не суетясь, и со стороны казалось, что они не торопятся. Но за день тех Маруса делала вдвое больше, чем Толя.

«Теть Маруся» — так ласково называли в бригаде «Марю Александновну Самарину». Двадцать восемь лет работает она штукатуром. В далекий тридцатый второй год пришла строить «Уралмаш». С тех пор не знает покоя ее сильные руки. Нет в Свердловске района, где бы не работала Мария она, где бы не жили ее сестры Александраны. Нет в городе бригады, где бы не трудилась ее ученики.

«Большого сердца человек», — думает Толя. — В трудное время взяла из детдома мальчишку, теперь уже звуковичник. Вале Маршиной детдом. А назад не в учениках ходила. А назад не

взяла: в долг давать не умеем, и выжила свою одноклассницу. — Люская!

Через полгода она получила четвертый разряд, стала перемалывать норму и почувствовала себя полноправным членом бригады.

Все стало на свои места. Как когда-то спешила она в школу, боясь опоздать на урок, так теперь вставала вместе с подружками, и позавтракали торопилась на свой участок. Ритм работы захватывал ее. Толя не замечала, как подходило время обеда. И пусть в столовой отговили не так вкусно, как дома, Толя не привирадела. Вечером она читала или шла в кино. Иногда на танцы, иногда в театр.

Но постепенно где-то в глубине души зрело беспокойство. Их нравилась работа, нравились люди, с которыми она трудилась. Но зрело становилось мало. Воспитанная в дружном школьном коллективе Толя привыкла к общности не только дел, но и интересов.

Кто-то в бригаде не учился. Никуда не, Ленин Долгачев, Николай Калашников и Валн Касатукина, ни у кого не было среднего образования. Читали мало.

Да и на стройке много горчало Тоно. Люди работали старательно, а дела в бригаде часто не клеились. В иные месяцы не выполняли план. Манились бригадирь, но ни один из них не сумел наладить работу.

«Что же делать?» — думала Толя. — Уйти!

Как-то на трамвайной остановке ее оклинули. Она обернулась

и увидела свою одноклассницу. — Люская!

В прошлом году они вместе пришли на стройку, работали на одном участке, но месяц назад Люся исчезла, ушла из общности, ни с кем не простившись, когда бригада была на работе.

Не два Тоне опомниться, она схватила ее за руки, поцеловала и затараторила.

— Как живешь? Ребят наших видишь? Все еще там? Трудно? — Трудно, — призналась Толя. — Ну вот, а я теперь секретаршей работаю. Слушай, Толя, у меня ты человек один есть. Хочешь поговорю, он устроит.

И вдруг, перехватив Толин взгляд, она осеклась и покраснела...

Вердо стоит на уральской земле рабочий Свердловск. Как столбы, подпирают небо трубы его заводов. Город строится, и над приземистыми бревенчатыми домами и купеческими лавками старое Екатеринбург поднимается одеяне в гранит высокие свето-серые здания.

И над холодным, мужским расчетом людей, живущих по старинке, над идущей заботой и суетой поднимается подлинная человеческая радость — радость созидаия.

Жизнь Толи Калеминной была уже неотделима от жизни бригады. Как-то само собой получа-лось, что именно она оказывалась на трудных участках стройки,

именно ее посылали туда, где работа не спорилась.

Она понимала, что быть строителем — это не просто выполнить норму на производстве, воздвигать новые здания. Быть строителем — это строить новую жизнь, бороться со всем, что мешает людям жить — радостно, полнокровно, красиво.

Так думала не одна Толя. В бригаде, где она работала, все жарче разгорались споры. Как-то на открытом комсомольском собрании речь шла о неполадках в работе, о завтращем деле бригады. Комсорг Элла Калашникова говорила:

— Все мы работаем честно, но плохая организация труда мешает нам выполнять план. Дальше так продолжаться не может.

Ее поддержала Толя. Разговор получился большой, горячий. Однако решить все набереющееся споры комсомольцы бригады — недавние школьники, не имеющие

необходимого производственного опыта были не в состоянии. И тогда деvущие обратили к партрупу управления Юрия Андреевича Андрееву. Вдумчивый руководитель, с большим жизненным опытом, он понимал, что поднять отстающую бригаду сможет человек, принципиально твердый, хорошо знающий производство, способный личным примером увлечь за собой молодежь. По предложению Андреева бригадиром стал коммунист Андрей Гладилин.

Нового бригадира встретили сдержанно. Андрей чужаком

чувшался, словно волосок, золотистая проволочка. Она считала, что работать вольно-вольно может разозрять даже его.

Инженер-технолог Татьяна Ивановна Манеева упрямля решила сделать принципиальную ставку сероватого сплава и всплохала установку. В точней содинженерии с ее стальной проволочка оккупилась подубавым свинком — поблеском мелчайших аэрических искр. Золотистый волосок начал углублять в сплав, который лезет робот самую прочную сталь, Ивановна проследила несколько клавиша на шурле электрогенератора. Татьяна не заставила проволочку вырезаться в металле ниваживающего острия. «То ее горю! Не погнет!» — крикнул он. Но тут прекратился треск, и лугитая проволочка, лишившись магического «соденения» из искр, стала опять мягкой и податливой.

Перед установкой «электрон-15» отбрасывали больший диаметр. На этом моменте можно изготовить штампы из самых твердых сплавов, причем одновременно, как правило, получаясь и ударопрочными. Это позволяет решать детали любой конфигурации. В науке и технике в больших количествах эти детали из жаропрочных и твердых сплавов.

Жест режет сталь

На дериванном сталлае лежат стальные кольца разных размеров — фланцы, не только для содиняния труб. Но почему они из них имеют ровные, словно обработанные на токарном станке края, а другие — равные, простятые?

Обычно фланцы вырезают из толстых стальных листов методом сплюсывания. Но как бы ни было искусно режешь, края кольца покажутся не ровными, потому что пламя газовой горелки или электрической дугой прогревают металл неравномерно. Но в лабораториях электротехники уже разработали фланцы изготавлиют новым способом. При этом

В МИРЕ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Невероятно, но... фанта!

Можно ли тогчайшей лугитой проволочки разрезать кусок сверхтвердого металла? Эше недавно на такую вопрос можно было дать только отрицательный ответ.

Вспомню слова партгоса Андрея: «За звание коллектива коммунистического труда борется все наше предприятие»!

как настороженно следят за каждым его шагом, оценивая каждое его слово. Однако, проходя по коридору, он услышал: — Старательный бригадир... — Новая метла всегда чище метет!

Андрей усмехнулся.

Условия были тяжелыми: не хватало фронта работ. Поэтому приходилось тщательно продумывать расстановку людей, чтобы никто не простоял. Но и тут Гладких нашел путь обучения новичков: рядом со старыми, опытными рабочими он ставил молодых, помогая им тем самым быстрее осваивать сложное мастерство штукатура. Всегда ровный и сдержанный, он никогда не кричал, не шумел. Он мог простить все — и неопытность, и медлительность, но недобросовестность — никогда.

Не прошло и месяца после прихода Андрея в бригаду, как прекратились опоздания, забыли о прогулах. Но все помнили, как однажды Гладких вывел из себя собрав рабочих у небрежно оштукатуренной стены, он начал было говорить о качестве и, вдруг победив, закричал:

— Ведь здесь будут жить люди! Эх, ам, захлущники! — И, круто повернувшись, ушел.

Брака больше не было. Кривая показателем пополазала вверх: 85, 90, 92 процента.

«Все жизнь Андрея была на виду. Целиком отдаваясь работе, он, единственный из всей бригады, ушедший в вечерней школе. В двадцать девять поступил в вечерний класс, он занимался теперь в девятом. Было трудно: недосыпал, похуедал, но упорно добивался своего.

Гладких вернул в бригаду. Но действительность превзошла самые смелые ожидания. Окрыленные первыми успехами, люди с удвоенной энергией взялись за работу, стремились выполнить лучше, качественнее, быстрее. По инициативе комсомольцев в на-

чале шестидесятого года было решено бороться за звание бригады коммунистического труда. На первом этапе бригада обязалась сэкономить за год десять тысяч рублей, выполняя план не ниже чем на 145 процентов.

1 сентября, когда Андрей стал уже достигшим зрелости членом рабочей молодежи пошли еще шесть человек: бригадный шеф-повар Зина Топорова и ее подруга Инна Варламова — в седьмом классе, Ана Дьячкова и Инна Пятакова — в восьмой, Женя Вахнюк и Вала Марина — в девятой. Им помогали товарищи по бригаде, уже окончившие десятилетку.

А в этом году пойдет учиться вся молодежь. Так решили комсомольцы. Славные в единый, очень замкнутый к себе коллектив, неузнаваемо изменились люди, изменились их отношения к работе. Богач стал из духовный мир. Дом на углу Первомайской и Герцеровской, где сейчас работает бригада Гладких, уже не достроен. Но в нем уже послышались книги. В кладовой, которая никогда не запирается, стоит некрашенный, грубо сложенный деревянный шкаф. Здесь книги Толстого и Хемингуэя, Пушкина и Шолохова, Твардовского и Нины.

— Как жалко Вальму Малышеву из «Искотестов!» — говорит крагелазя восемнадцатилетняя Валера, которая выбрала в бригаду Румяная, в туго завязанной голубой косынке, она смотрит на меня открытым взглядом, а в своем альбоме костюма кажется шаловливой, отправившись в походы.

Беспокойная Женя Вахнюк скупо говорит: — Мне нравится Блок.

С а шесть месяцев бригада сдвинула на шестьсот рублей материалы.

Берегут все — цемент, алебастр, который учитывает бухгалтер деревянный инструмент, который не учитывается никем.

На других установках, предназначенных для электротрансформаторов, рабочие с помощью подручных искр сверлят ионку металла, приваривают в нем фасонные напав...

Сверло из березовой ветки

Борис Романович Лазаренко показал нам любопытный опыт. На подставку положил длинную палку, хорошо закаленную стали, а против нее на специальном держателе закрепил березовую ветку с двумя сучьями.

К одному из сучуков привел единичный привод от генератора. Когда включили установку, послышался знакомый треск электрических разрядов и искры вылетели в месте сопоставления его с пилкой, возник ослепительно белый свет. Через десять минут прошла сильная сталь.

В сущности, и в этом случае все остально просто: березовая ветка была покрыта тонким слоем меди, но-

Результат вполне ошеломил: раньше инструмента списывали на тысячу рублей в месяц, а теперь — только на десять.

В конце прошлого года производительность труда достигла 167 процентов, заработок каждого рабочего до полутора тысяч рублей. Так не работали еще никогда! Даже опытный прораб Лев Тимофеевич Фалько усомнился в возможности сдать за месяц пятьдесят четыре квартиры.

Но бригада Гладких не только выполняла эту работу, но еще и оштукатуривала помещение детского сада и магазина.

Коллектив было присвоено звание бригады коммунистического труда.

Я захожу в контору к прорабу и делюсь с ним впечатлениями. Лев Тимофеевич доволен.

А вы говорили с Валей Маркеевой? Ее появление в бригаде Гладких весьма показательно. Ведь она еще три месяца назад торговала газировкой в кинотеатре «Сбор». Это это за специальность — воду разливать! — решила девушка и пришла к нам. Или возьмите Горещико — студент, второй год на практике. Восемьдесят лет еще нет, а работает по семь часов. Не хочет от бригады отстать, а по закону на час раньше уходить может. Хорошая молодежь. Ей есть с кого пример брать. Вот вы говорите о Марии Александровне Самойловой. Да она не просто свое мастерство передает, она в ребятах работает советская будит. Для нее вагонна на стене, как шрам на лице.

Он помолчал.

— Замечательные новые люди. Недавно мы с начальником участка Михаилом Биди подсчитали, — Фалько вынул из ящика письменного стола объемистую папку, — что имели нас снабжать строительными материалами без перебоев, то мы со своими рабочими в полтора раза больше построим. Сможете, если по всему управлению прикрутите.

Отдел кадров приходит вчерашние школьники и, робая, неуверенно проносят свое отчество, будто здесь они его впервые получили. Подписан приказ. Отныне они рабочие. Но проидет еще немало времени, прежде чем это звание будет им по плечу.

В школе им много говорили о трудовых подвигах строителей. Теперь они сами строят. Порою они не могут разглядеть подлинную красоту у самах, казалось бы, простых и будничных делах: в добротной кирпичной кладке или в безукоризненно оштукатуренных, радующих глаз потоках.

Но проходит дни. Вырастают последние метры. И они сознают себя причастными к шумной радости новоселов, к людскому счастью. Их труд нужен, необходим.

Так рождается рабочая гордость.

Не думаю, Вала, что мы создаем культ штукатурной работы, потому что работа была нелепо. Придет зрелость, и работу, на которой занята ныне целая бригада, легко выполнит один человек, управляя штукатурным агрегатом. Но культ и культ штукатурного агрегата, как и культ любых инструментов, машин или работ.

Главное — это люди, способные к взаимному труду, творческому труду. Вот почему в нашей стране одними из первых освоены физика и математик, составляющий команду для электронной машины, и хирург, производящий операцию на сердце, и шахтер, добывающий уголь, и строитель, возводящий дома, в которых мы живем...

Твое письмо, Вала, прочли все члены бригады коммунистического труда, руководимой Андреем Ивановичем Гладких. Вместо ответа они просили просто рассказать тебе о своей жизни.

С. ВИЛЕНСКИЙ,

специальный корреспондент «Смены», г. Свердловск.

способе такие работают искру... напаянную, наполненную керосином, опускают стальной проволокой на инку, и вставив свернувшие из обычного крошечного железа цилиндры. Идет выжигание гравировки, между цилиндрами и листом металла возникает искра, которая чаще искры. Они «работают» минуту, другую, третья... И вот уже на листе аккуратно вырезано несколько ножек. Такие ножки не нуждаются в дополнительной обработке на токарных станках.

— Неподлеку от установок электротрансформаторного изготовления фляцев стоит станок — электрогилья. Над ним, как ботаника, твердого сплава установлен диск из сплава, напоминающий шарикоподшипник. Лаборант нажимает кнопку — раздается слышимое слово рвет по линии прочной материи. Проходит всего лишь семнадцать секунд — и в руке лаборанта лежит круглая пластинка, отрезанная от болванки.

и служил отличными проводником для электротрансформаторного тока. Но зачем необходимость использовать дорогостоящий металл, если можно получить эффект. Дело в том, что для изготовления деталей для электротрансформаторной обработки из металла порой очень трудно получить детали, которые в точности повторяют форму и размеры оригинала, нужно получить. Поэтому решили, особенно при изготовлении небольших количества деталей, основу электрода сделать из легкого, богатых металлов — гинса, воска или дерева, — а сверху покрывать электрод топорнопроводным составом.

Примученные искры, малые количества металла, возможность, уже сейчас выполняются множеством разнообразных заданий. А сотрудники Центральной лаборатории ищут новые искры. Мину чело, удивительно эффективного способа метода электроэрозионной обработки металлов.

Н. ТЕТЕРИН

НА ЭТОМ СНИМКЕ ПОКАЗАНА РАБОТА УСТАНОВКИ «ЭЛЕКТРОМ-15», ПРЕДНАЗНАЧЕННОЙ ДЛЯ ЭЛЕКТРОЭРОЗИОННОЙ ОБРАБОТКИ МЕТАЛЛОВ И СПЛАВОВ.

Фото В. Мишина.

ВСЕ ФЛАГИ В ГОСТИ...

Фото М. МУРАЗОВА

А. СТРЕЛЬЦОВА

ОНИ ГОВОРЯТ НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ, НО КОГДА СТОЛЬКО ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ЧУВСТВ, ЭТО НЕ ПОМЕХА.

Этот дом стоит на тихой улице Петроградской стороны. Здесь расположилась «Дружба» — Ленинградская база бюро международного молодежного туризма.

Строила базу молодежь. Большинство каменищиков и землеплов, маляров и штукатуров было из племени «лисицев» — студентов Ленинградского инженерно-строительного института. Благодаря их помощи «Дружба» раньше намеченного срока гостеприимно распахнула свои двери.

Только за прошлый год 227 туристских групп из 22 стран оставались в «Дружбе».

Радушные и распорядительные работники базы — Николай Тихомиров, Владимир Шишко, Маргарита Бухланова и Нина Орлова — составляют график каждого туристского дня так, чтобы повзвездать гостям самое важное и интересное в городе. Во многом помогают им активисты базы — студенты филологического факультета университета, готовые стать и гидами, и переводчиками, и, конечно, друзьями приехавших.

ПОЛНЫМ ВЛОКНОТ АДРЕСОВ —
ДЕСЯТКИ НОВЫХ ДРУЗЕЙ.

ЭТА ВЕСЕЛАЯ ХОХОЧУЩАЯ
ЦЕПОЧКА — ЧЕШСКАЯ «КА-
ЧА». САМЫИ ПОПУЛЯРНЫЙ
ТАНЕЦ В «ДРУЖЬЕ».

ВО ВРЕМЯ ВСКУРСИИ ПО ЗАВОДУ
ИМЕНИ ЛЕЙБЕ НЕМЕЦКИЙ СЛЕ-
САРЬ ЕЖЕН АЙХОРСТОН ОСТАНО-
ВИЛСЯ У СТАНКА НИКОЛАЯ ВА-
СИЛЬЕВИЧА ТАРУТИНА: «КАК
ДЕЛА, ТОВАРИЩ?»

Четыре-пять дней — срок не-
большой, но туристы — неугоми-
мые люди, и тот, кто хочет, успе-
вает многое осмотреть, успевают
и за это короткое время влюбить-
ся в Ленинград.

Недаром книги отзывов, храня-
щиеся в «Дружбе», пестрят слова-
ми «привосхитио», «изумительно»,
«грандиозно!». Они написаны и
славянскими, и латинскими буква-
ми, и затейливой вязью арабского
шрифта, и ломкими линиями
неролиффов.

Одну из последних записей, ли-
хорадочно поглядывая на часы
и прислушиваясь к гудку автобуса,
сделали молодые немцы из Гер-
манской Демократической Респу-
блики. Их поезд уходил в Москву
через сорок минут, а кто-то еще
настоячно требовал совершить
«прощальный круг» по городу.
Переводчица Ирина Лымарь уже
несколько раз заглядывала в ко-
мнату. А трое парней все никак не
могли найти самые теплые и бла-
годарные слова...

Наконец, они захлопывают кни-
гу. Время ехать!

А книга отзывов уже в руках
Антоня Шрамека. Он из чешской
группы, и ему предстоит несколь-
ко дней пробыть в Ленинграде.
Но интересно, что пишут здесь
уезжающие...

Слова благодарности и привет-
а, затем «горючие поцелуи» всем
девушкам Ленинграда! Галантная
надпись, конечно, сделана по-
французски.

Руководитель английской сту-
денческой группы Джордж Гези
написал в книге отзывов: «Особен-
но понравилось то, что вы пока-
зали нам Дворец бракосочетаний,
который я предлагаю показывать
всем другим группам».

Быстро летят дни, и вот уже
уезжает польская группа, расста-
ются с ленинградцами молодые
болгары, в последний раз танцуют
«качу» ленинградские девушки с
чешскими парнями. Сколько доб-
рых, сердечных встреч состоялось
в эти дни: и на заводах, в универ-
ситетских аудиториях и на самой
базе!

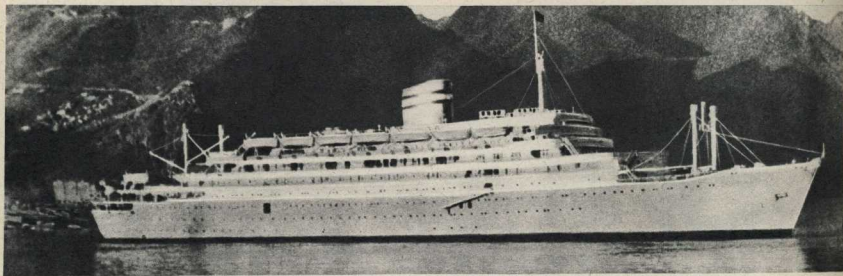
— Мы приедем еще! — так го-
ворит каждый, кто побывал здесь.

«ДО СВИДАНИЯ, ЛЕНИНГРАД!» ПОСЛЕДНИЙ КАДР НА ПРОЩАНИЕ.

„САНТА МАРИЯ“

ПЕШКОМ К СВОБОДЕ

«Санта Марья» Колумба открыла Америку. «Санта Марья» Гальвао — новую Португалию, Португалию борющихся.

Ее героический рейс сорвал лохмотья буржуазной благопристойности с прогнившего фашистского режима Салазара.

ДИКТАТОР-НЕВИДИМКА

Он дорого бы дал за то, чтобы не попасть под рентген мирового общественного мнения. Меньше всего на свете ему хотелось бы видеть, как международная пресса берет на прицел режим, который он создал тридцать с лишним лет тому назад.

Нужно отдать должное: за все эти годы Антонио де Oliveira Салазар глубоко постиг искусство оставаться в тени.

Его никогда не видят. Его чувствуют. Для официального представления существует послушный ему президент. Во дворце Сан-Бенто, где он живет, никто не имеет доступа, в рабочем помещении — маленький павильон в саду парламента, где он работает, — приходит только избранный, да и те тщательно обсиживают охраной. Он совсем не выносит свидетелей. Те, кто когда-то помог ему прорваться к власти, окончили свои дни либо в тюрьме, либо в ссылке. В стране не сыскать человека, о котором можно было бы сказать: «Личный друг Салазара».

Единственный раз он дал волю чувствам — это был день, когда он узнал, что немецкий обер-палач Гиммлер покосился с собой, раздав во рту емоцию с ядом. Салазар был искренен, оплакивая его. Ведь именно Гиммлеру он обязан усовершенствованием ПИДЕ — своей тайной полиции, скопированной с немецкой «Нельбел унд Накт» (туман и ночь). «Нельбел» скрывала темные дела нацистской партии, ПИДЕ — Салазара. Он скопировал с гитлеровского режима все, вплоть до юношеских организаций. Точнее, устроил все, а создал одну — «Инциндада португеза», двойник «Гитлерюгенда». Армия и полиция, по-

жирающие половину государственного бюджета, в любой момент были готовы подавить недовольство народа — самого ничего в Европе. Легальная оппозиция, не имеющая возможности выступать ни в прессе, ни на выборах, напоминает полузадушенную мышь, с которой играет сытая кошка.

Являясь колониальной державой, Португалия, по существу, сама колония: Соединенные Штаты, Англия, Франция, Западная Германия давно захватили ключевые позиции экономики страны: электричество, химия, газ, транспорт, телефон. «Я не люблю эту жизнь», лицемерно заявлял Салазар. — Вместо того, чтобы управлять государством, я с удовольствием жил бы на покое в виноградниках. На своей службе я не более как заключенный», Салазар не совсем точен. Действительно, он живет в громадной тюрьме. Но он не узник. Он начальник тюрьмы. Заключенным остается народ.

ОПЕРАЦИЯ «ДУЛЬЦИНЕРА»

«Санта Марья» шла полным ходом. Смешалась популярная раслабляющая джазовая мелодия. Закрывались бары. Пассажиры стали расходиться по каютам.

В половине второго ночи капитан корабля Марино Симоз Майя был разбуден выстрелами.

В ту же минуту звонил телефон: говорил Гальвао. Он сообщил, что его люди захватили корабль.

Майя в пижаме вышел из каюты. Он увидел людей с автоматами и среди них человека, которого знал весь Лиссабон. Недаром его фотографии с подписью о том, что он вне закона, совсем недавно смотрели со всех португальских газет.

— Арестоваты! — спокойно произнес Гальвао.

Утром пассажиры собрались к завтраку. Они ничего не подозревали. Внезапно вошел Гальвао и заявил, что отныне «Санта Марья» принадлежит португальской революции.

— Господа, вы находитесь сей-

час на территории свободной Португалии. Мы не сдадимся. Мы гарантируем ваше существование и удобство.

Смысл сказанного дошел не сразу. Гальвао снова схватил микрофон:

— Мы не пираты. Мы боремся за свободу родины.

И ушел, приказав матросу играть «Верютру 1812 года» Чайковского.

С этого дня 318 человек экипажа и 539 пассажиров подчинились воле восставших.

ЭПИРИКЕ МАЛТА ГАЛЬВАО

В юности он был мечтателем. Он им остался всю жизнь. Как бы круто ни поворачивалась судьба, он оставался верен своим идеалам и принципам. За быстроту, фанатическое стремление к справедливости еще в молодые годы он получил прозвище «Дон Кихот». Гальвао действительно нечто внешне напоминал рыцаря печального образа: высокий, худой, с черными глазами, в которых всегда горит удивительно мягкий, доброжелательный огонек.

Он всегда верил в то, что делал, и был готов безоговорочно пожертвовать жизнью, лишь бы восстановила справедливость. Воспоследствия Гальвао говорил:

«Революция требует от человека действий, на которые следует идти без колебаний».

Его незаурядные способности никогда не кружили ему голову. Товарищи говорили, что у Гальвао совершенно атрофировано чувство бытия, на которое не искали ни жизненных удобств, ни личной славы.

Стоило казенной пошлости военного училища запачкать мечты о дальних плаваниях, как он устремился на поиски путей в большую литературу. Но для этого нужно серьезное образование. Не колеблясь, Гальвао меняет обеспеченную карьеру морского офицера на популярное студенческое существование во французском городе Жуанвилле.

Будучи назначен верховным инспектором колониальной админи-

страции, Гальвао в 1947 году пишет потрясающий по силе правды доклад о положении в Анголе, Португальской Гвинее и Мозамбике. Этот доклад так и не увидел света. Нарисованная им картина положения в так называемых африканских провинциях, картина, в которую он вложил страсть ученого и публициста, была настолько беспощадна, что являлась разоблачением салазаровского режима. Диктатура же не терпит разоблачений. Гальвао был тотчас же смещен. Он начинает писать книги, политические памфлеты. У него зреет идея создания подпольной демократической партии.

Диктатор отдает приказ о его аресте. Гальвао был обвинен в государственной измене. В стране об этом было объявлено лишь год спустя.

Торьма Каишас известна своими мрачными подпольными, ужасами одиночных камер, рекордным количеством «самоубийств». И все же здесь Гальвао пишет листовки, подготавливает избрание в президенты генерала Дельгадо — лидера оппозиции Салазару.

Выборы 1958 года были грубо фальсифицированы. Президентом стал Америго Томаз — ставленник Салазара. Дельгадо эмигрирует в Южную Америку.

Торреминци задумывают расправу. Гальвао понимает, что его ждет смерть. Ему не выдержать шестнадцати лет заключения. 13 мая 1959 года Гальвао совершает побег из тюрьмы. Переправляется в Бразилию, спешит к Дельгадо. Вместе они выработывают план, осуществление которого поручено им.

ПОГОНЯ

В 9 часов утра 22 января старший офицер на британских Английских островах Клинтон Чэнд явился с визитом к губернатору острова Санта Лючия лорду Аскиту. Из окна резиденции они увидели, как на рейде остановилась «Санта Марья». С нее была спущена лодка, которая стала приближаться к берегу. Как толь-

ко она достигла причала, «Санта Марья» съехала с якоря и начала уходить за горизонт.

В лодке находилось несколько больных пассажиров. Гальвао решил их эвакуировать.

Старший матрос Жозе дос Рейс с большим трудом (он плохо знает английский) смог объяснить, что произошло на корабле. После долгих распросов Чанд понял. В британское адмиралтейство полетела радиграмма: «Против Санта Лочини совершил акт пиратства. Корабль наблюдался в 900 миль между Санта Лочини и Мартиникой. Начиная преследование».

И Чанд пустился в погоню. Преследование вел английский фрегат «Ротгей». Топлива ему хватило на два часа. Фрегат вернулся обратно на Санта Лочини...

США выделили два эсминца — «Данатон» и «Вилсон». К поискам присоединились патрульные самолеты, базирующиеся в Пуэрто-Рико. «Плот был приведен в Бувию поглотить. Но «Санта Марья» пропала».

Наконец патрульный самолет США, пилотируемый лейтенантом Крауссом, обнаружил оставшийся корабль в 900 миль к востоку от Тринидада. Краусс в ультимативной форме потребовал, чтобы «Санта Марья» направилась в Пуэрто-Рико. С капитанского мостика на Гальвао с негодованием отверг это предложение.

«Мы не пираты, а революционеры», — передал он Крауссу, — мы согласны вести переговоры на Бору «Санта Марья» с властями любой страны, исключая Португалию и Испанию».

Краусс передал послание в военное министерство США. Реакция была быстрой: в преследование «Санта Марья» включились еще несколько судов — эсминцы «Огелъзэнг», «Гринг» и один танкер.

США послали радиограмму: «Если нас будут атаковать — мы не сдадимся. Мы возлагаем ответственность за будущие последствия на тех, кто на нас нападет, кто бы они ни были».

Пресса стала называть «Санта Марью» «броненосцем Потемкиным отшельника».

УМБЕРТО ДЕЛЬГАДО

25 января из Сан Паулу пришло сообщение: «Это я отдал приказ захватить «Санта Марью», — заявил Умберто Дельгадо. — Мы готовили эту операцию вместе с Гальвао, решив захватить корабль для того, чтобы начать освобождение нашей Родины».

Дельгадо заявил на пресс-конференции: «Мы рассчитываем на то, что к нашему движению примкнут три четверти населения метрополиса и колоний».

Когда Салазар узнал об интервю Дельгадо 25 января, то решил снова прибегнуть к своему любимому способу: физические уничтожить политического противника.

28 января в Сан Паулу соратники Дельгадо передали Бразилии сведения агента ПИДЕ — некоего Диаса Мело. Он сознался, что имел возможность убить генерала Дельгадо.

ЛИССАБОН

С того момента, когда разнеслась весть о захвате «Санта Марья», Лиссабон превратился в военный лагерь.

С каждой возвышенности смотрели артиллерийские и пулеметные батареи. По улицам патрулировали броневики. ПИДЕ хватало любого подозрительного человека.

Специальный корреспондент лондонской «Дейли Геральд», в Лиссабоне, ссылался на надежные источники, писал:

«Подпольные организации оппозиции ожидают только сигнала, чтобы взяться за оружие и восстать против диктаторского режима».

«Если восставшим удастся завладеть властью в Лиссабоне и Порто, остальная часть Португалии падет, как зрелый плод», — заявили журналисты руководители оппозиции.

Они же утверждали, что восстание в метрополисе представляло собой третью фазу плана Дельгадо. Первая — захват «Санта Марья». Вторая — восстание в колониях. Третья — армия Национального освобождения войдет в дело. Она будет состоять из крестьян, которых поддержат индустриальные рабочие Лиссабона и Порто.

...«Санта Марья» шла полным ходом к Африке».

«ПРЕДЛАГАЮ ИДТИ К БЕРЕГАМ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ»

Адмирал Роберт Деннисон, командующий американским флотом в Атлантическом океане, направил Гальвао радиограмму:

«Требуем, чтобы вы направились в любую северную часть Южноконского океана. Желательно, чтобы вы это сделали в Белеме (Бразилия)».

Ответ Гальвао: «Я не могу подчиниться приказу иностранной державы. Пока не могу указать порт прибытия. Мы действительно хотим высадить пассажиров или в южноамериканском или западноафриканском порту».

Положение осложнилось тем, что наперерз «Санта Марья» вошла американская атомная подводная лодка «Морской волк».

Тогда Дельгадо обратился к вновь избранному президенту

Соединенных Штатов Кеннеди, требуя, чтобы США направили флот в Бору, который он ведет вместе с капитаном Гальвао против правительства Салазара.

Это обращение осталось без ответа.

Между тем «Санта Марью» стали преследовать неудачи: испортились ходовые механизмы, скорость снизилась до 5 узлов, запасы продовольствия и воды были на исходе.

Гальвао становилось ясно, что берегов Африки достичь не удастся... Корабль берет курс к берегам Бразилии.

1 февраля «Санта Марья» вошла в Ресифи.

Правительство Бразилии заявило, что оно берет под свой контроль вошедший в порт португальский лайнер и будет действовать в соответствии с международным правом, подразумевающим под этим возвращение корабля прежним владельцем. Гальвао и его соратники были предоставлены политическое убежище.

— Мы хотели показать, что Салазар узавис, и нам удалось это сделать, — заявил Гальвао представителям Бразильской прессы. — Мы находимся в состоянии войны с португальской и испанской диктатурами, дело не только в том, чтобы свергнуть Салазара. Мы должны открыть двери свободе, прогрессу и независимости в нашей стране, а также в заморских территориях...»

Порт и город Ресифи внезапно стал местом, куда было приковано внимание всего мира. В автобусе, кафе, на рынке — везде говорили о «Санта Марья».

Из уст в уста передавался текст прокламации, подписанной Гальвао. Она называлась «Наша программа».

«Наша программа проста, но радикальна: мы боремся за Революцию глубокую и всеобщую».

Революция является отправным пунктом в разрешении несправедливого социального порядка и будет базой для аграрной и городской реформ.

Наш лозунг: земля тем, кто ее возделывает, и дома для тех, кто в них живет. Мы ликвидируем огромные поместья и спекуляцию земельными участками.

Беспощадно уничтожим португальскую плутократию, которая с самого рождения разделяет людей на богатых и бедных.

Мы находимся далеко от Лиссабона и от диктатора, но мы боремся с непоколебимым убеждением, что войдем в португальскую столицу как победители и утвердим там революцию, которая откроет двери свободы заморским колониям».

Мы являемся создателями будущей армии освобождения Португалии и Испании...»

СНОВА ЛИССАБОН

Тревожно сейчас в Лиссабоне. Несмотря на то, что «Санта Марья» возвращена владельцам, по-прежнему город напоминает военный лагерь. Каждый день приносит известия о волнениях в колониях.

Столица наводнена агентами ПИДЕ, стянутыми сюда со всех концов страны.

Народ Португалии уверен в победе, уверен в том, что наступит день, когда страна из оплота фашизма будет превращена в арсенал революции Иберийского полуострова.

ВЫСОКО В ГОРАХ

Горы зимой... Что еще может сравниться с этим величественным зрелищем!

Серебряно-чеканные хребты окрывают от холодных ветров нашу долину — Домбайскую Поляну. Домбай — одно из живописнейших мест Кавказа — привлекает зимой многочисленных любителей горнолыжного спорта. Особенно славились здесь начало весны.

Потоки солнечного света, отраженные от ослепительного снежного покрова, ослепительно греют лицо и обнаженные руки.

Кто там снял темные очки! Берегитесь! Вы можете потерять зрение.

Но и сквозь дымчатые стекла не меркнет красота горной природы! Вот отогревается и начинает ворковать горный ручей. С кристальных сосулек срываются веселые радужные капельки.

Оживают стройные ели и, расправляя тонкие края веток, сбрасывают последний заведеневающий снег.

Какой здесь удивительный воздух! Если бы можно было наполнить им площадки и улицы наших городов, как омолодились бы люди!

...Самый высокогорный из альп-

лагерей — «Алибек». Живописные здания клуба и столовой, зимние коттеджи и летних террас квадратом окружают центральную полянку, где застыли ледяные скульптуры динозавров и слонов. Это дело рук щедрой на выдумку молодежи.

Но не только молодых притягивают к себе горы. Здесь можно увидеть известных всей стране академика Тамма, директора объединенного института ядерных исследований Блохинцева, старшего тиньографа и первого туриста страны Губанова. Несмотря на преклонный возраст, они чувствуют себя здесь молодыми: лихо спускаются со склонов, даже играют в снежки... Ничего не подделаешь — таков уж здешний климат!

Новый человек в альплагере не сразу привыкает к четкому распорядку дня и строгой дисциплине.

Подъем в утренних сумерках и гимнастика на снегу, может быть, и в диновинок некоторым новичкам. Однако проходит день-другой, и вот уже прежний лежебока одним из первых вскакивает прямо в трусиках «на улицу». Еще бы не спешить!

Приходилось ли вам наблюдать восход солнца?

ГОРНОЛЫЖНИКИ ТРАМБУЮТ ТРАССУ НА ЛЕДНИКЕ АЛИБЕК.

Смотрите туда, на Сулахат! Распластавшись в мглысто небо, ее вершина постепенно приобретает сиренево-розовые контуры, в то время как серые и фиолетовые тени располагаются по каменным кулуарам и ледяным щелям. Глядите внимательней! Вот оно, начинаться...

Вспышкой красной ракеты озарилась одна из вершин Сулахат, и вот уже пламенная эстафета помчалась от вершины к вершине, окружая альплагерь справа и слева. Так взходит в горы новый день...

Из столовой уже доносится звон посуды. Там сервируют стол для завтрака очередные дежурные. Завтрак, как правило, состоит из трех блюд. Не много ли?

Однако на этот счет в книге жалоб можно найти один лишь

благодарности. Здесь никто не страдал отсутствием аппетита.

...Все выше забираться в горы весна. Обращенные к солнцу склоны долины давно освободились от снега. Оди «Алибек» все еще во власти зимы. Но и здесь, несмотря на снег, температура воздуха поднялась до +16°. Посмотрите вокруг: на баюках, террасах и даже на дне летнего плавательного бассейна — везде вы встретите загорелых. До отъезда остались считанные дни, а как хотелось бы приехать домой загорелым! Каждый торпится впитать в себя частичку солнечной энергии.

И уезжая обратно на север, недавний новичок решает твердо: отдыхать нужно не только в горах.

В. ГУКОВ

ЗДЕСЬ ЕЩЕ НЕТ КОМФОРТАБЕЛЬНЫХ ПОДЪЕМНИКОВ, НО СПОРТСМЕНОВ ЭТО НЕ СМУЩАЕТ. ОТЛИЧНО МОЖНО ОБОЙТИСЬ И ТАКИМ

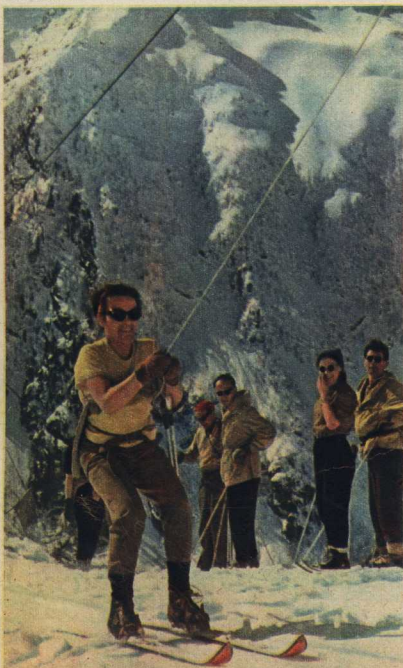

Фото автора.

ОЧЕНЬ ТРУДНО РАБОТАТЬ У МОЛЬВЕРТА НА ВЫСОТЕ 3 500 МЕТРОВ, НО РАЗВЕ МОЖНО ОСТАТЬСЯ РАВНОДУШНЫМ К СКАЗОЧНОЙ КРАСОТЕ ГОР И НЕ ЗАПЕЧАТЛЕТЬ ЕЕ НА ПОЛОТНЕ!

«...Большими на плечи!»

АНАТОЛИЙ
ЕЛКИН

ЗАМЕТКИ
О ПОЭЗИИ
МОЛОДЫХ

4 сентября 1960 года. Рим. Олимпийские игры. Прошло два года с тех пор, как я установил рекорд. Два года мучительных и бесплодных поисков. Я ни разу не приближался к своему рекордному результату. Пришлось перекалифицироваться на 100-метровую дистанцию. Ни в чем не хочу обвинять Чернова. Он много работал со мной. Вероятно, его ошибка — ошибка всех наших тренеров. Ни один из советских пловцов не смог занять на Олимпиаде призового места. Мы, 23 спортсмена, принесли в общий зачет лишь 6 очков из 340 возможных. Каждому из нас стало за свои результаты... А ведь наши соперники — такие же юноши и девушки, как и мы. Значит, все дело в методике тренировок...»

Такова последняя запись в дневнике Леонида Колесникова. Она заставляет задуматься о многом.

В 1959 году в мировую дистанцию 200 метров брасом пошла А. Антония, Х. Лауритс, В. Гончаренко, Кавальска, на предстоящей Олимпиаде жок бы на этой дистанции у нас будут прочные позиции. Больше того, в олимпийском году — новая сенсация. Снова никто не может объяснить неожиданный взлет. Теперь уже не Колесникова, а неизвестного пловца из Львова — Георгия Прокопенко. До заплыва он не был даже мастером спорта. Финиш с результатом 2.38,0 принес ему это звание и титул рекордсмена страны. В финале он повторил свой успех.

2.38,0... Отличное время. На Олимпиаде оно дало бы пловцу серебряную медаль. Однако никто из наших спортсменов не сумел показать такое время в Риме. Случайно ли? Видимо, нет. История Прокопенко — копия истории Колесникова. Только новая звезда «сгорела» значительно быстрее.

У наших пловцов очень мало побед. Поэтому мы особенно дорожим каждой из них. Поэтому нас волнует сегодня судьба Леонида Колесникова — талантливого пловца, который и сейчас еще не исчерпал себя, а при этом к нему отношения, при этом к ним тренировки могут стать для нас олимпийской надеждой. Как могли бы стать ею и многие другие.

А. ЗИЛЬБЕРБОРГ,
Б. ЧЕРНЫШЕВ,
мастера спорта.

В наступлении... Пожалуй, этими словами определяется оценка «яркое состояние» молодой советской поэзии. Каждое новое имя, каждый новый сборник молодых рассказывает о ждании их найти свое место в строку. В столкновении в жизни, спорах и дискуссиях, поисках и экспериментах рождается поэтическая зрелость. Хочется поговорить об этих поисках и находках. О направлении главного удара. О дорогах, которые молодые выбирают.

«СТИХИ НАЧИНАЮТСЯ С БЕСПОКОЙСТВА...»

Говорят, что поэзия начинается с беспокойства. С большого внутреннего беспокойства за счастье человеческое, за судьбы идущих с тобою ядром.

Во всяком случае, у молодой поэтессы Риммы Казаковой первые поэтические отклики были рождены потребностью найти свое место в наступлении:

Пусть счастье вечно путешествует,
Несется,
головой слома!
Так просто,
истинно
рискованно,
как водопад
и как река!
И все у нас с тобой рискованно.
И все у нас наивероятно.

И в другом месте:

Иначе то есть прощанье,
но многие на одушье...
Иначе то есть легче,
но больший груз на плечи.

А есть такая юность —
беспризорность и бездуховность.

Ей подавай на блочность
рыбешку, а не угличку,
попой, а не агачи,
Фомарик, а не Фанел.

Казакова, утверждая жизнь-горение, искала свою путь в поэзии, и в таком поиске она обрела себя как поэтесса. Яркое свидетельство тому — недавно вышедшая в «Советском писателе» книга ее стихов «Там, где ты».

В самобытной книге «Полнолуние» молодой поэт Анатолий Попович писал:

...И в которых воспринял рассветах,
Открытая большие мира,
На каких безымянных планетах
Разлому я земные котлеты?
Чтоб пылали они, утверждала
Мир, смирительный смертями солдат...
Дорожат кистью, не сгорая.
Море оксидит,
Не спит мессанбат.

Сборник «Полнолуние» по своим настроением поиска, тревоги за судьбы людей перекликается не только с книгой Риммы Казаковой «Там, где ты». И с глубоко человеческой книгой Евгения Винокурова, выпущенной только что «Советским писателем», и с новым сборником стихов Владимира Цыбина, и с многими другими книгами молодых.

Всех их объединит большой духовный поиск, производимый стремлением к единственно безотказному, единственно верному поэтическому оружию. Все это писатели, действительно серьезно работающие в литературе. И невозможно говорить об их книгах, споря только о формально-художественной стороне дела. Ибо поэзия, сколь замкнута ни была она, остается простой забавой, если она не окрылена большими идеями века. Характерно, что все поэты, о которых мы только что говорили, довольно быстро преодолели болезнь формотворчества ради формотворчества (и такой период почти неизбежен в творчестве каждого — совершенствование мастерства требует формальных экспериментов. Иско лишь, когда всякой своей лабораторный эксперимент поэт считает произведением, достойным обнародования).

О вехах такого пути хорошо скавала Майя Борисова в книге «Вечерние окна», вышедшей сейчас в Красноярске:

Расширенные мячиги
И сабы из лунным.
Пора уже
нам делаться
мужчинами.

Довольно хохотали мы,
Гускавясь в плисе на брусстере.
Терпил за деталями
Главное искусство.
Мы лько обманываемся —
Смешное, жедаторого,
Порою новоротами.
Внем в отпущенные дивери,
И влуд из рук роняем воё.
А нам уже

поверили,
на нас уже
равняются.
Довольно — книги, бангити,
Лихая дробь с раскатами.
Мира из разбавленных
нам делаться
солдатами.

Стихи начинаются с большого беспокойства! Но из со стремления показаться оригинальным...

О ГОМЕРЕ И ПОЭТИЧЕСКОЙ СМЕЛОСТИ

Стороники чрезмерно усложненной формы в поэзии ссылаются на спор «физиков» и «лириков». Но этот спор, говорящий о стремлении поэтов к наиболее активному вмешательству в жизнь, вовсе не подразумевает того, что образно-ритмическую систему стиха следует усложнять до сложности интегрального исчисления.

Под поэтической смелостью некоторые из начинающих понимают возможно большее разрушение классической основы русского стиха. Это подчас называется «новаторством».

В повести Д. Ставского «Все только начинается», опубликованной в №№ 1—2 «Юности за это время» рассказывается, в частности, о молодом поэте Игоре. Игорь спрашивает другого героя — рабочего:

— А стихи вообще-то тебе нравятся? Могу нравиться?

Я сказал, что мне нравятся Лермонтов, Пушкин, Маяковский и еще Вятрицкий.

Ерунда, — сказал Игорь, поморщившись. — Пушкин — это Гомер! Он жила за десять веков до нашей эры. И Лермонтов тоже Гомер. И Толстой тоже. У нас своя жизнь. Мы едим в трамваях, толкаемся в автобусах, глотаем дам и ругаемся на работе... Нам лишь строчки, как луной свет. Им можно лаять. Им можно не грешить.

— Почему? — возразил я. — По-моему, так грешно...
— Обывать ахает по привычке, — сказал Игорь. — Ах, Пушкин! А мы пошли дальше! И нам нужно писать по-моему. Хотя бы шпор-наватор.

Тетка подошла к Игорю и ладьюю закриала ему рот:
— Ты гений. Ты гений. Ты огулшил нас... К сожалению, такие Игоря встречаются не только в поехвах.

Побывайте на иных литературных вечерах, собраний литобъединений, почитайте некоторые подборки в журналах... и вы поймете, что это так.
Шпорот-наваторов и подлинная поэтическая сместь ничего общего между собой не имеют. Любая форма оправдана, если она естественно вытекает из содержания стиха. Но самоцельное разрушение его ритмического строя не новаторство. Это всего лишь отказ от демократичности замысла, от формы, от влияния ее на широчинные массы. Это ставка на камерность искусства.

Литерическое жецетание, или форматорчество ради форматорчества... Как хорошо казался о таких «новаторах» поэт Николай Заболоцкий:

Любопытно забавно и тонко:
Гдек почти не похолов ни стнх.
Вормотанье сверчка и ребена
В современстве писателю поэчи.
И в бесмысленнх омыванной рочи
Изощренность известная есть.
Но возможно ли мечта человека
В жертву этим забавам принести?
И возможно ли русское слово
Превратить в бессмысленный шпору,
Чтобы смысла жинная основа
Сиюнь него прозвунать не могла?

Нет! Поэзия станет прегрбы
Нашим выдумкам, ибо так
Не для тех, кто, играя в шарды,
Надевает юпалка юдуна...

Подлинное новаторство неотделимо от служения большим идеям нашей действительности, от поисков нового в жизни. Этого нового, о котором не скажешь существовавшими до тебя образами. И в поисках единственно приемлемого в данной случае слова, способа раскрыть мысль и донести ее богато во увиденного до читателя и рождается подлинное искусство завтрашнего дня.

ЛИРИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Очень верно заметил Евгений Винокуров: «Одно стихотворение, даже если оно очень хорошее, мало говорит о поэте. Только несколько стихотворений дано, на мой взгляд, представляющее его нам. Сборник — это проверка органичности. Есть стихотворение, каждое из которых в отдельности само по себе вроде бы не плохо, но, собранные вместе, оно, как толпа чуждых друг другу людей: толкаются, жмутся и противоречат друг другу. А есть стихотворения, которые, сойдясь воедино, сразу же образуют гармонию, — каждое из них становится как бы фрагментом одной общей картины. Личность поэта — цемент сборника». Очень верно, слова.

«Литерическое наступление» — так назвал свое недавно вышедшую книгу стихов молодой талантливый поэт Николай Панченко. Книгу не во всем прочув. Рядом с сильными стихами здесь поэду сосуществовать и недоразумительности. Но когда заканчиваешь ее последние страницы, она кажется очень цельной, органичной одной страстью, одним духом, само существо которого так точно определено в названии сборника.

Эпиграфом к нему, пожалуй, могли бы стать такие строчки из книги:

...ли даже в заплах востры
клубит военными кострами
мой колотушечные сна.

И просясьлю по существу,
Чтоб вы вставили по гудку,
Чтоб в нашей радосте кривалой
Не инки колотушечные сна.

Моей Земле нужны солдаты,
Пока живут ее враги.

Всегда интересно определить лицо лирического героя поэта. В его характере, как в волшебном кристалле, в многочисленных его грехах, горит отблеск симпатий и антипатий писателя. И раздумья его, и сокровенные мысли, и склад души, согнн отголков чувства по-та абстракт в себе характер лирического героя. Он не отождествляется с автором. Но о ком бы он писал поэт: о герое или подлесе, человеке щедрой души или индем сердцем, — всегда по части неудовмысли оттенкам и подтонкам можно определить (если перед нами действительно самообитный поэт), кто создаст тот или иной образ, кто вывел в жизнь «знакомую незнакомца» из стихотворения, запавшего нам в память.

Перечитывая сборник «Лирическое наступление», прежде узнавшея герца Панченко — человека-борца, воина, стоящего на страже человеческого счастья. Непримируемого в большом и малом. В схватках с вооруженным врагом и в сражениях с плесенью и напильно старому миру, эгоизмом, черствостью, шпуртой.

И что бы ни читали вы в этой книге: то ли «Из дневника солдата», или «Утро любви», «Приветика», или «Художица», или «Валлуда о золе», — вас убеждает и художественная правда созданных поэтом образов и та правда, которая сложилась, опосредственным путем доносится до читателя, беря истоки в мировоззрении лириатора.

Иначе говоря, его «позиция жизни».

Большая внутренняя цельность — необходимос способно на только художество, но и поэтической натуры. И когда эта цельность состоит в устремлении, боевом состоянии духа, ясной направленности симпатий и антипатий писателя, тогда он никогда не завязнет на окольных тропках искусства и не заблудится в его туманах. Он всегда будет в состоянии вести лирическое наступление. А такая позиция в литературе единственно возможная.

В ПОИСКАХ ГОРИЗОНТОВ

Как-то Михаил Светлов написал чудесное стихотворение «Горизонт». Есть там такие строчки:

Мы — мои товарищи и я —
Открытым новым краем
С горечью и чувствую тепер,
Сколько было на пути потерь!
И нуслик поднялось обелени
Над злым-злым потемном чулкем...
Все дальнее ты сделаю ближним.
Чтоб олене т далекую идти!

Светлов писал и о разведке в новые целические отношения, в глубины бытия, и об открытии новых поэтических горизонтов. Не только в тематическом, но и в художественном плане.

Сказанное один раз в искусстве не может быть повторено. А сколько еще не печатается стихов, похвалю друг на друга, как блинцек! Стихов которые показывают, что поэт не искал своих новых троп в поэзии, а шел проторенными, не раз хожеными дорогами. И дело здесь не в «публицистичности» стиха, не в «быстроте отклика», на что любят часто ссылаться те, кто бездумно спорилось выдет за публицистичность.

Много сейчас шпурт, скажем, о штурме космоса. Это естественно: кого сегодня не восхитает великий советских ученых, поднимающих корабли к планетам! Но как об этом шпурт!

Недавно в газете «Московский комсомолец» была опубликована, например, «Завтрашняя песня» одного из молодых поэтов:

Слетат звезды сурово
и немо,
и урабят на Венере вету,
Посмотри, дорогах,
на небо,
верь в счастливую шпурт!

Мы летим, новостью
в беспредельной Вселенной,
светеющейся мгле.
Мне запомнилась вету
спирен,
что осталась любовью
на Земле...

Отдавая стихи в печать, автор не подумал, что все это или очень похожее уже было в поэзии.

Но вот читаем в «Юности» стихи Роберта Рождественского «Людям, чьих фамилий я не знаю»:

По утру на планете мирной
голубая трава в росе...
И не знаю
ваших фамилий.

Знаю то,
что известно всем... —

пишет он о советских ученых, «специалистах космоса», о людях смелой мечты, огромного научного мужества:

Каждый шпоиник
вашей жизни
в градуем мире
хавтасться будет...
Низкий-низикий посылю вам, люди!
Вам,
без фамилий.

Или до этого стихотворения, или после него никто не «повирует» темы так «по-рождественски». Лишь пережитое сердцем бытие становится фактом поэзии.

Совсем неожиданно, скажем, майор «космической темы» и в стихотворении Митяи Борисовой, запомнившиеся многим и многим и никак не похожие ни на стихи Рождественского, ни на какие другие:

Зверь дружил с человеком,
не ояндая пламы.
Его данило порою
история колесо.

И вынылся на свалку
изощреннейших халатах
От несобачных болезней
околовешных псов.

Он нрав был зоном мира,
Юрга, бедными гордым.
Впервые держа в
от всей Вселенной шпички.

Посоветова собаку
в добуру шпурту морду,
Здравля нагулку люни
и в шею посылу инш!

Уже по небесным тропам
путь неведомый начат.
И верно, найду тамчичи
в дыли деланных планет.

Как чернота споролись
с собачинья шпурту
И как зверенные победы
горды
людовой
след.

«Истоки» этого образа мне особенно дороги. Вместе с Майей мы учились в Ленинградском университете, и я вижу ее, восторженную и прихлужу, в Павловской лаборатории в Котлущах, на биологическом факультете, в университетском двореке, где служдать хлопотало около ласковых четвероногих, обреченных на смерть во имя жизни.

Вторжение в космос для Борисовой — для нее цепь личных воспоминаний и раздумий, впечатлений, пережитых сердцем.

А как часто еще мы бездумно беремся за тему, о которой имеем лишь самые приблизительные представления!

«Горизонт» читая, у нас обрубает все чувства, получается телеграфный стиль. Если от поэзии отнять индивидуальность мышления, мы и получим ту «простоту», которую такой столб символизирован.

Молодой поэт Илья Фомколов написал коротенькое стихотворение о сиенной реке, которая «бьется, как жукля у России на выске». Однз такая художественная находка стоит многих километров «благополучной» рифмованной серфаты.

Поэт не может идти уже хожеными до него тропками. Не может не открывать одному ему видимых горизонтов искусства.

«Блннши гуз на плечи!» Этими строками из стихотворения Майи Борисовой хочется закончить эти заметки. Больший гуз жизни! Радумий о делах и думах современников. О нашем завтра. О стремительном валете человека нашей Родины.

Музыка Вадима СЕРЕЖНИКОВА.

Стихи Эдмунда ИЮДКОВСКОГО.

Тайга — тайга

Посвящается строителям дороги
Тайшет — Абакан

Тема хора

Соло

Пус-кай ты не ма-ло во-

Дуэт

рог про-ша-гал и гор-ные ви-деве-сы, но ес-ли в са-мых сто-ро-нах не вы-вал —

Привет

еще не ви-дал кра-со-ты! Тай-га тай-га но все-го та-ких дог-са вад-шт

Привет

пес-но... Ме-тут сне-га, ре-вет пу-рга, но мы с то-бой — на род-у пра-ми-ный.

Где-то

Та-и-ше-т

и

Пускай ты немало дорог прошгал
И горные видел хребты,
Но если в Самских горах не вывал —
Еще не видел красоты!

Привет: Тайга-тайга
Ко всем строго,
Глядится в душу прямо...
Метут снега,
Ревет пурга,
Но мы с тобой — народ упрямый!

Здесь люди, как рени, кристально чисты,
Прозрачны до самого дна —
Разделят с тобою и хлеб, и мечты,
И радость грядущего дня.

Привет.

Насколько мы прорежем лесной океан,
На новые стройки уйдем,
Но эти два слова — «Тайшет — Абакан» —
Останутся в сердце моем.

Привет: Тайга-тайга
Ко всем строго,
Глядится в душу прямо...
Метут снега,
Ревет пурга,
Но мы с тобой — народ упрямый!

